Валерий Сергеев
Виктор Хорошулин

Таинственный остров Кнайпхоф

Исторический детектив, фантастика

Валерий Сергеев

Таинственный остров Кнайпхоф. Исторический детектив, фантастика

«Издательские решения»

Сергеев В. В.

Таинственный остров Кнайпхоф. Исторический детектив, фантастика / В. В. Сергеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831075-1

Книга Валерия Сергеева и Виктора Хорошулина рассказывает о тайнах древнего Кёнигсберга и нынешнего Калининграда. Кнайпхоф — часть Кёнигсберга, город, расположенный на одноимённом острове. Таинственные дела, происходившие здесь, веками сводили с ума сильных мира сего. Они и сегодня будоражат умы поколения 21 века.

ISBN 978-5-44-831075-1

© Сергеев В. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть I. Загадочное место Кёнигсберг 9
Глава 1. Ученик доктора Пельшица 9
Глава 2. Тамплиер 16
Глава 3. Магия зеркал, дьявольские куклы и арбалетный выстрел 22
Глава 4. История Нойбертхауса 29
Глава 5. Путь в школу «Куклы старой Магды» 34
Глава 6. Поиски реликвии 40
Глава 7. Молодой воин 46
Глава 8. Вторая реликвия 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Таинственный остров Кнайпхоф
Исторический детектив, фантастика
Валерий Сергеев
Виктор Хорошулин

© Валерий Сергеев, 2017
© Виктор Хорошулин, 2017

ISBN 978-5-4483-1075-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Журналист популярной калининградской газеты «Башня Врангеля» Матвей Хрусталёв пришёл в редакцию раньше обычного, включил электрочайник и присел за компьютер с целью проверки электронной почты и новостных сайтов других СМИ. Никаких сенсационных сообщений в Интернете он не нашел, да оно и понятно: середина июля – период традиционных летних отпусков и каникул. Одни лишь гастрольные афиши заезжих звёзд эстрады и прочих «звёздочек сверхмалой величины», да порядком надоевшая реклама туристических фирм и зарубежных гостиниц…

«Тоска зелёная…» – вяло думал про себя Матвей. Сейчас бы ему самому лежать на пляже в курортном Светлогорске, демонстрируя свой атлетический торс, но главный редактор потребовал от него «встряхнуть сонное царство обывателей» какой-нибудь «сумасшедшей» информацией… К слову, «главный» был из тех самых людей, у которых обычно хочется поинтересоваться: сложно ли жить без мозгов? Колоритная фигура шефа напоминала шар, словно его надули через соломинку. Казалось, ещё чуть-чуть, и он может лопнуть… Хрусталёв работал с ним уже три года. Но сначала, окончив журфак, Матвей отслужил положенный срок в морской пехоте Балтфлота, собирался после «дембеля» подать документы в магистратуру, но потом решил, что хватит ему шарить в родительском холодильнике и клянчить «сотенки» на проезд в автобусе, а пора самому зарабатывать на жизнь, и устроился спецкором в редакцию многотиражки. А редакция – это, образно говоря, болото, в котором каждая лягушка старается как можно громче квакнуть и в придачу залезть на голову другой, такой же, как она, да ещё сверху на всех плюнуть...

Пожалуй, Матвей давно бы перекочевал в другое издание, если бы не один милый человечек – корректор Наденька. Матвея притягивало к ней словно магнитом. Наденька транслировала непередаваемое обаяние, детскую непосредственность, наивность и доверчивость, впечатлительность и ранимость. Интуитивно хотелось обращаться с ней как с хрупким созданием, требующим заботы и чуткости, мягкости и внимания… Её наивно-доверчивые глаза были изумрудного цвета, а светло-русые волосы на кончиках чуть завивались и как бы разлетались в стороны, создавая причёску «а-ля милая девочка». Чувствовалось, что она очень хочет произвести на Хрусталёва благоприятное впечатление и одновременно полюбоваться собой через его восхищение её образом.

Сам же Матвей был высоким, крепким парнем, с вечно небритым и внешне суровым лицом, но обладающим доброй отзывчивой душой и почти детской верой в чудо, удивительно сочетающейся в нём со смекалкой и находчивостью, профессиональной принципиальностью и дотошностью… «Я верю не тому, что слышу, а тому, что вижу!» – обычно с лёгким «ленинским прищуром» говорил он коллегам. Важно отметить, что он никому не подражал, никем не собирался становиться, а просто пытался в процессе журналисткой работы «найти» самого себя…

И вот в ленивой тишине кабинета затренькал телефон.

– Редакция… – сняв трубку, бесцветным голосом представился Матвей.

— Привет, Апостол! – весело поздоровался с ним однокашник Вадим Филатов, работающий репортером на местном телевизионном канале. – Как дела, как настроение?

Прозвище Апостол приклеилось к Матвею ещё в студенческие годы, благодаря его библейскому имени. Он относился к этому спокойно, тем более что приятель Вадик был известным балагуром и добродушным остряком. На него грех было обижаться. Своими рыжими волосами и комичными ужимками он внешне очень напоминал клоуна, на которого, взглянув лишь мельком, обязательно улыбнёшься.

– Настроение как у жёлудя, который собирается сожрать жирная свинья, – пробурчал Хрусталев, намекая на главного редактора, – и заступиться-то за бедолагу некому: вокруг одни дубы…

– Э-э-э, дружище, жизненный путь любого из нас непременно устлан осколками грёз и перьями обломанных крыльев. Как правило, он пролегает вдоль руин хрустальных замков и мимо кладбища несбывшихся надежд… – пафосно хохмил приятель. – Я чувствую, тебе жизненно необходимо срочно удрать из вашей «банки с пауками» и выпустить пар за бокалом холодненького пива в какой-нибудь приморской кафешке. Ведь согласись, что лучше иметь пузо от пива, чем горб от работы… А потом не мешало бы стряхнуть пыль с «причинного» места и приударить за девчонками! – весело тараторил Вадим. – Предлагаю свою компанию.

– Не могу… – грустно вздохнул Матвей, – в номер срочно нужны «жареные» факты. Это, как известно, – любимое блюдо нашего шефа. Но где их раздобыть в эту пору? Политическая жизнь – замерла, половина города валяется на пляжах, даже машин на дорогах нет… Да только о влиянии экстремальной жары на здоровье населения я уже писал…

– И что, совсем ничего не можешь придумать?

– Нет, мозги плавятся… – вяло пробубнил Матвей.

– В рамках программы оказания помощи слаборазвитым регионам могу подбросить идейку… Не бесплатно, конечно. С тебя – пиво и вяленая корюшка!

– Если информация стоящая, то я согласен, говори, – оживился Хрусталёв.

– Тогда слушай. Нам вчера звонили из районного отдела полиции и просили показать в криминальных новостях с целью опознания какого-то сумасшедшего иностранца, лет под сорок, предположительно англичанина, обнаруженного на окраине города возле какого-то заброшенного погоста. Он расхаживал там в какой-то тунике и без штанов, зато с антикварным, украшенным драгоценными камнями мечом… При задержании и разоружении оказал сотрудникам сопротивление и пытался скрыться… Пришлось применить спецсредства и надеть на него наручники.

– Ну и что сенсационного в том, что у кого-то из гостей Янтарного края от жары «поехала крыша»? Скукотища… Возможно, это просто постаревший толкиенист, фанатеющий от «Властелина колец»? – зевнул Матвей.

– Так вот, – пропустив его реплику мимо ушей, продолжал Вадим, – я примчался в дежурную часть и встретился с этим ненормальным. Действительно, он вёл себя довольно необычно: стоял посреди «обезьянника» с гордо поднятой головой, на вопросы не отвечал, лишь изредка что-то громко выкрикивал, а пьянице-сокамернику своей голой коленкой расквасил нос за безобидную ухмылочку…

– Неужели ему самому там не наваляли? – прервал его вдохновенный рассказ Хрусталев.

– Представь себе: нет… Но это – не главное…

– А что главное? – начал злиться Матвей.

– Ты ведь в курсе, что год назад я окончил курсы английского и даже получил диплом переводчика? – не без гордости напомнил Вадим. – Поэтому мне было очень интересно попрактиковаться в беседе с носителем языка. Только оказалось, что мужичок-то, изъясняется на каком-то редком диалекте и понять его чрезвычайно трудно. Однако я предположил, что он, возможно, какой-то историк-реконструктор, потому что постоянно твердил о короле Артуре, упоминал Иисуса Христа и Деву Марию, а сам представлялся рыцарем Увейном, сыном Уриенса…

– И что было дальше?

– Далее я снял несколько крупных планов, подготовил стандартный комментарий, но… моё начальство данный сюжет не заинтересовал, и в эфир его не пустили… Так что готов уступить… за умеренное вознаграждение…

– Сумасшедший английский историк… – стал рассуждать Матвей, – рядовой случай. Его следует сначала поместить в психушку, а затем обзвонить гостиницы и разослать запросы по иностранным посольствам…

– Так-то оно так, но это ещё не всё, – не сдавался коллега-телевизионщик, – от нечего делать я зарядил его имя в поисковик, и оказалось, что действительно в VI веке в окружении короля Артура был такой благородный рыцарь, который являлся членом Ордена Круглого стола и участвовал в поисках Копья Судьбы и Священного Грааля… Кстати, это – весьма любопытная и полная мистики средневековая легенда…

– Так, может, твой протеже просто начитался в юности исторических романов и теперь выёживается?.. – перебил приятеля Матвей.

– Дело в том, что его оружие, доспехи и прочую амуницию эксперт-криминалист склонен считать подлинными… Но самое удивительное: час назад я запросил у них сводку происшествий за последние сутки, и мне сообщили, что ночью этот «рыцарь» непонятно каким образом бесследно пропал… исчез… испарился… Сам дежурный ничего странного не заметил, но вот камеры видеонаблюдения зафиксировали, как пространство вокруг задержанного внезапно завибрировало и «поплыло», как над пламенем костра, а сам он буквально растворился в воздухе!

– Прекрасный финал: нет ни заявлений, ни пострадавших, ни улик… – вздохнул Хрусталёв.

– Отчего же?.. В отделении остались рыцарский меч, золотой перстень с большим зелёным камнем и расшитый то ли бисером, то ли жемчугом пояс…

– Как бы я хотел посмотреть ту видеозапись и взглянуть на вещички! – мечтательно протянул Матвей.

– Это легко устроить, дружище, у меня там всё схвачено… – отозвался на другом конце провода Вадим. – Подъезжай через час на улицу Клиническая – 19. Ты про пиво-то с рыбкой не забыл?..

Часть I. Загадочное место Кёнигсберг

Глава 1. Ученик доктора Пельшица

Крайне тяжёлым выдался 1455 год для Восточной Пруссии. Шёл второй год войны с Польшей, которая формальное господство над своими северными приморскими землями решила сделать фактическим.

Этому предшествовали события, оставившие глубокий след в истории Европы. В 1410 году совершилась знаменитая Грюнвальдская битва, в которой славянские народы крепко намяли бока «тевтонскому вепрю». Поверив в собственные силы, Польша начала готовиться к основным действиям по изгнанию Ордена с прусских земель. В 1440 году города, враждебные тевтонцам, объединились в конфедерацию – Прусский союз, организацию городов и духовенства, которая отказалась подчиняться немецким рыцарям. Польский король Казимир IV объявил о том, что земли Тевтонского ордена отныне принадлежат его королевству. 4 февраля 1454 года объединённые войска Союза выступили против Ордена с оружием в руках. Был освобождён ряд городов и крепостей, среди которых были Данциг и Ольштын. Началась полномасштабная война. В сентябре 1454 года под Хойницами польское шляхетское ополчение потерпело первое крупное поражение. Орден, пользуясь поддержкой Брандербурга и других немецких княжеств, а также финансовыми затруднениями короля Казимира IV, не собирался сдаваться. Война обещала затянуться на долгие годы.

В самом Кёнигсберге (позвольте так называть три города: Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф, которые объединились и фактически стали одним целым только в 1724 году) тоже было чрезвычайно неспокойно. С одной стороны, это обуславливалось тем, что Альтштадт и Лёбенихте поддерживали Тевтонский орден, а Кнайпхоф – Польшу. Жители первого и второго городов резонно полагали, что враги Ордена вполне могли найти укрытие в третьем. С другой стороны, между Старым городом[1] и Островом[2] давно были разногласия: кнайпхофцы пользовались монополией на перевозку грузов по своей территории и мостам. Они выстроили большую и удобную пристань, и суда, прибывающие в Кёнигсберг, разгружались чаще всего там, минуя альтштадские причалы. Подобные разногласия нередко переходили в серьёзные столкновения и даже войны. Особенно яростно звенело оружие и лилась кровь с апреля по июль сего года… В общем, подобное иногда случается даже меж добрых соседей. Альтштадцы называли жителей Кнайпхофа япперами, и, в честь победы над последними, смастерили на ратуше мерзкую бородатую маску, названную, соответственно, «яппером», которая при бое часов показывала язык в сторону Кнайпхофа, вызывая у жителей Острова необычайную ярость.

А кроме этого, в трёх городах заметно прибавилось вооружённых людей, в том числе, ливонских ландскнехов[3]. Польское влияние на Пруссию усилилось, но Тевтонский орден в Кёнигсберге не спешил сдавать свои позиции. Стражники тщательно обыскивали любого горожанина, каждую повозку, случись им задержаться у городских ворот или перед башней на мосту. Но спокойнее от этого не становилось. Война повсеместно приносила разрушения, смерть и страдания. Множество бездомных, голодных и больных людей бродили по дорогам Восточной Пруссии в поисках лучшей доли…

[1] Altstadt – старый город (нем.).

[2] Кнайпхоф расположен на острове, на реке Прегель.

[3] Наёмный солдат.

Якоб Шоль, невысокий, вихрастый парнишка лет пятнадцати, в своих молитвах возносил хвалу Господу и пресвятой Деве Марии за то, что те не дали ему умереть от голода и холода, а свели с господином Пельшицем.

Якоб родился и вырос в небольшой деревушке близ Нойхаузена. Своего отца он не помнил. Люди поговаривали разное: одни утверждали, что он утонул в реке, провалившись зимой под лёд, другие – что свёл дружбу с лесным духом Чёрным Францем и навсегда ушёл от людей. Мать относилась к этим выдумкам спокойно, и, гладя мальчика по вихрам, грустно вздыхала: «Он умер, сынок. Твой отец был очень добр и скончался от разрыва сердца». И больше – ни слова…

Сама Габи Шоль была известной знахаркой, немолодой, но красивой женщиной, на редкость энергичной и способной добиваться своего. Понимая толк в травах, она охотно помогала селянам в их постоянных бедах: кому-то успокаивала желудок, другим снимала боль, иным заживляла раны и останавливала кровь, а кое-кого избавляла от нежелательной беременности, хотя это и считалось богопротивным деянием. Маленький Якоб охотно перенимал знания матери, он с удовольствием бродил по лесным угодьям, отыскивая лечебные травы, затем сушил их, растирал в порошок, готовил настои и мази. И всё бы ничего, но два года назад у одной женщины умер ребёнок, а в злом умысле, а заодно и в колдовстве, обвинили Габи Шоль. Крестьяне решили наказать «колдунью». Десятка два человек разгромили и разграбили её дом, вытоптали огород, а саму хотели как следует проучить, да кто-то схватил подвернувшийся под руку булыжник… Затем выволокли на пустырь, вбили в сердце осиновый кол и бросили в яму лицом вниз – в сторону ада, а на могилу навалили тяжёлый камень, чтобы всем было понятно – ведьма!

Так Якоб стал сиротой. В одно мгновение жаркий солнечный день стал для него пасмурным и холодным. Горькие слёзы непроизвольно текли из его глаз, в носу щипала и хлюпала солёная влага, а в горле застрял комок…

В неописуемом горе он покинул «родное гнездо» и отправился в Кёнигсберг. Якоб уходил, словно натягивая и обрывая невидимые упругие нити, связывающие его с прошлой жизнью… Мальчик ещё не знал, чем будет заниматься, пополнит ли ряды жалких попрошаек или пристанет к какой-нибудь артели и займётся ремеслом. Рядом с Королевским замком разрастались города, ведущие хозяйства. Можно было примкнуть к шорникам или скорнякам, кузнецам, столярам или пекарям, башмачникам или бондарям. Мастеровые люди делали уйму полезных вещей, и никто из них, как казалось Якобу, особо не бедствовал.

Первый раз ему повезло, когда он беспрепятственно прошёл через крепостные ворота в Альтшадт, вцепившись рукой в повозку какого-то крестьянина. Тот вёз в город шерсть, и стражники хорошо его знали. Получив свою обычную мзду, мальчика они попросту не заметили.

Попав в Альтштадт, парнишка сразу понял, что это довольно «хлебное» место. Высокие дворянские дома с конюшнями и богатые строения зажиточных граждан, лавки и ремесленные мастерские, ратуша, высокая церковь, госпитальная кирха, собор и капитул, рыночные ряды, от которых пахло сдобой и рыбой, горожане, снующие по делам, – всё это разом закружило голову голодному подростку. Он едва не упал на мостовую и, придерживаясь рукой о шершавую каменную стену, прошёл в тень основательной постройки, чтобы отдышаться. Так Якоб оказался перед домом Фридриха Пельшица, городского лекаря. И здесь ему повезло во второй раз.

Конюх, несущий воду для лошадей, заметил мальчика, и хотел было его прогнать. Но, бледное лицо подростка, его умный, но очень печальный взгляд, тронули сердце пожилого человека.

– Держи-ка, парень, – достал он из кармана краюху хлеба и пару сушёных слив. – Подкрепись. Иначе ты свалишься под нашими дверями и доставишь лишние хлопоты доктору.

Через несколько минут Якобу посчастливилось лицезреть и самого лекаря. Это был высокий, худощавый мужчина с длинными тёмными волосами, острым подбородком и серыми глазами, излучающими ум и доброту.

– Кто ты, паренёк? – спросил он. – Если просишь милостыню, то возьми несколько яблок…

– Простите меня, герр доктор, – со слезами произнес мальчик, опустившись перед врачом на колени. – Я – сирота, ищу работу. Возьмите меня своим помощником или учеником! Я неплохо разбираюсь в травах. Моя мать была знахаркой, я многому у неё научился…

– Ну-ну, – доктор поставил обессиленного парнишку на ноги, внимательно взглянул ему в лицо. – Говоришь, хорошо разбираешься в лечебных травах? А ну, пойдём в дом!

Первым делом он посадил Якоба за стол.

– Марта, – позвал лекарь молодую служанку. – Принеси что-нибудь поесть нашему учёному гостю…

Затем долго, с улыбкой наблюдал, как тот уписывает овсяную похлёбку с мёдом. Когда Якоб насытился, доктор сказал:

– Сейчас я проверю твои познания, приятель. Если ты проявишь себя тем, кем ты назвался, так и быть, возьму тебя в ученики. Но ежели соврал, получишь от старого конюха по первое число!

К тому времени стыд, страх и волнение уже отступили, и Якоб бегло осмотрелся. Они с доктором сидели в небольшой комнате, под потолком которой были развешаны пучки различных трав и кореньев, издававшие пряный, приятный запах, хорошо знакомый и любимый Якобом с детства. У стены находился исполинских размеров шкаф, полки которого были заставлены толстыми книгами. Возле стола скучали ещё два свободных табурета. В окошко заглядывало солнце, во дворе кто-то настойчиво стучал молотком.

– Ну, что ты можешь сказать вот об этом растении? – лекарь потянулся, чтобы снять с нитки пучок травы.

– Не утруждайтесь, сударь. Это – лён. Его семена, если их измельчить в ступке, хорошо помогают от запоров… Их можно также положить на глаз, чтобы очистить его от соринок, пыли или грязи…

Брови доктора невольно поползли вверх.

– А что ты скажешь про это? – продолжил он свой экзамен и его длинный палец ткнул в расположенный рядом пучок.

– А это – лаванда. Её высушенные цветы помогают от мигреней.

– Недурно. Ну, а это что?

– Это – душица, сударь. Она хорошо утоляет боли в желудке… А рядом – мята, герр доктор. Её применяют для лечения раздражения живота и затягивания ран. А ещё её используют в качестве противоядия… А это – розмарин. Его цветы можно использовать для окуривания помещений. Они действуют как благовония и как средство против «чёрной смерти»…

– А вот это?

– Белладонна, сударь. В небольших количествах помогает утолить боль. С той же целью применяют болиголов, но тут главное, не переборщить. Иначе это может привести к смерти…

– Хорошо, – задумчиво произнёс Пельшиц. – А что ты скажешь про это? – Он подошёл к шкафу и, выдвинув его ящик, вынул оттуда две серебряные коробочки. Раскрыв одну, протянул Якобу. Тот, даже не понюхав, ответил:

– Это – мирра, сударь. Лучшее средство для обработки ран!

Во второй коробочке оказалась рута. Мальчик пояснил, что её используют при укусах ядовитых змей и плохом зрении.

– Ты действительно разбираешься в травах… И даже лучше, чем я ожидал, – объявил свой вердикт Пельшиц. – Пожалуй, я возьму тебя к себе учеником… и помощником. Будешь собирать и заготавливать травы… Аптеки аптеками, но настоящему врачу необходим свой запас. Жить будешь вместе с прислугой во флигеле… Первое время – будет так, а дальше – посмотрим.

Так решилась дальнейшая судьба Якова Шоля.

Сам Фридрих Пельшиц закончил медицинский факультет университета в Эрфурте. Полученными знаниями, за которые его отец, торговец сукном, выложил крупную сумму, он остался недоволен. Вскрывать нарывы, отсекать гниющие конечности, пускать кровь умеет любой цирюльник. А он, получив университетский диплом, хотел приносить людям реальную пользу. Он решил сам научиться лечить горячку и даже «чёрную смерть», делать безболезненные разрезы, сращивать поломанные кости, облегчать страдания при внутренних болезнях, лечить глаза и зубы… Он знал, что существует большое количество умных книг, посвящённых медицине, как арабских, так и европейских мудрецов. Но, где они, эти книги? В монастырях? В книжных лавках? Почему по ним не обучают студентов? Он знал, что от многих болезней помогают лекарственные растения. Но почему пользование травами называют знахарством и любой врач, особенно с университетским дипломом, свысока глядит на подобных «целителей»?

После окончания университета Пельшиц отправился путешествовать по германским землям, практиковать и набираться опыта. Через три года судьба привела его в Кёнигсберг, а точнее – в Альтштадт. Поскольку в то время должность городского лекаря была не занята (за неё вели борьбу сразу несколько городских цирюльников — откровенных шарлатанов), то человеку, окончившему университет, безоговорочно предоставили это место. Бургомистр Старого города Иоганн Кох выразил надежду, что отныне здоровье горожан будет под надёжной опекой.

Любой другой врач был бы вполне доволен таким статусом. Пельшиц поселился недалеко от госпитальной кирхи «Святого духа», куда постоянно наведывался, давая указания монахам, заботившимся и ухаживающими за больными. «Книги, встречи и память – вот что является нашим содержанием», – справедливо считал лекарь и принялся разыскивать древние фолианты, чтобы самостоятельно изучать труды Гиппократа, Галена и других великих врачей античности, а также Плиния Старшего, Диоскорида и римского врача Александра Тралесского, более известного под именем «Александра-целителя». Фридрих зачитывался трудами великого Авиценны: «Канон врачебной науки» и «Лекарственные средства». Также ему удалось раздобыть труд из семи книг Павла из Эгины, врача и талантливого писателя. Но более всего его потрясла поэма монаха Одо из монастыря Мен, что на реке Луаре. Это было сочинение о лекарственных травах, состоящее из 77 глав.

Однако ни одна книга не существует сама по себе. Она живет в подтексте, толковании и понимании читателем… Тогда и возникла у доктора мысль создать в своём доме что-то вроде аптеки. Нет, он прекрасно знал, что врачу запрещено изготавливать и продавать лекарства, как и аптекарю нельзя быть врачом. Но, беря плату за лечение, он хотел давать при этом больным средства, созданные своими руками. Появление неизвестно откуда мальчика – знатока лекарственных трав он счёл за промысел божий.

1 октября 1455 года Якоб Шоль вошёл в крепостные ворота Альтштадта. Уже более двух лет он работал у доктора Пельшица, собирая лекарственные травы и приготовляя из них различные снадобья. Попутно он брал у своего хозяина уроки врачебного мастерства, изучал латынь и греческий. Жилось ему хорошо, и в завтрашний день он смотрел с большой надеждой и оптимизмом.

Якобу было уже пятнадцать. Он вытянулся и заметно окреп. Ещё немного – и юноша превратится в сильного мужчину и искусного лекаря. Быть помощником городского врача – достаточно почётная обязанность. Завистников у Пельшица в Альтштадте было достаточно. Врачебным ремеслом в городе зарабатывали ещё две или три семьи, но у его хозяина дела шли лучше всех. К нему шли лечиться днём и ночью, а его конкурентов городской совет чаще всего вызывал к палачу для проверки состояния здоровья подследственных перед применением к ним пыток.

Доктор Пельшиц платил своему ученику небольшие деньги, чтобы тот мог пользоваться услугами цирюльника и портного, а иногда даже посещать кабачок «Усы сома».

Сегодня Якоб достаточно побегал за лекарственными растениями. В его холщовой сумке лежали осенние сборы: листочки и побеги брусники, корневища валерианы, ягоды можжевельника, шишки серой ольхи, листья толокнянки и корни калгана. Последний, как знал юный лекарь, хорошо помогает при болях в желудке и вздутии живота. К концу дня подул сильный холодный ветер и пошёл дождь. Якоб промок и замёрз. Пропитанная влагой рубаха противно липла к спине. Поэтому по дороге домой он решил заглянуть в кабачок, чтобы немного отдохнуть, послушать новости или просто болтовню завсегдатаев и выпить стаканчик подогретого вина.

Заведение «Усы сома» располагалось неподалёку от крепостной стены, к югу от Альтштадской кирхи, вблизи Прегеля. Хозяином его был Зенон Копе, немец с польскими корнями, он же – член городского совета Альтштадта. Кабачок пользовался неплохой репутацией, обычно здесь собирались добропорядочные горожане, правда, в последнее время сюда частенько захаживали солдаты, многие из которых не знали меру в употреблении хмельного. Вот и сейчас, их шумная компания, сидевшая в дальнем от двери углу, требовала ещё вина, и завсегдатаи с опаской поглядывали в их сторону.

Более приятные люди, с которыми Якоб всегда с удовольствием проводил свободное время, находились тут же, справа от входа, за большим столом, заставленным кубками, кувшинами с вином и нехитрой снедью. Юноша к ним и присоединился. Старый портной Сигурд Хеллике, пивовар Андреас Кулль, два брата – кузнеца из Закхайма, Теодор и Исайя с увлечением слушали рассказ рыбака из Фишхаузена Курта Химмеля. Кивнув на приветствие Якоба, Курт продолжал:

– …А наш Фишхаузен, как вам известно, не выносит шума. Не дай бог, кому-то после девяти вечера громко стукнуть камнями… или во время богослужения проехать на телеге, гружёной железным скарбом! Так вот, в целях тишины и, конечно же, защиты от поляков, наш епископ Николаус по прозвищу Трясущаяся Голова пригласил в свой замок три сотни тевтонцев. Кавалеристов…

– Триста кавалеристов – хорошая защита, – пробубнил Исайя, прикладываясь к кубку.

– Ты просто не знаешь, во что обошлась эта затея, – усмехнулся рыбак. – Триста бездельников жрали и пили, каждый в три глотки, да не давали проходу женщинам, не гнушаясь насилия! Очень скоро наш епископ понял, кого он пригрел в стенах своего замка!

– Да, а попробуй, выкури таких защитников из замка, – хохотнул Сигурд. – И что же предпринял Трясущаяся Голова?

– О, была задумана хитроумная комбинация! Епископский егерь поведал рыцарям, якобы вблизи замка было замечено огромное стадо кабанов. А настоящий тевтонец, скажу я вам, любит кабанину не меньше, чем пресвятую Деву Марию! И ради неё способен на любые подвиги!

– Свинину сюда! – послышался властный голос со стороны стола, за которым расположились солдаты. Это добавило смеху в компании, в которой сидел Якоб.

– Так вот, слушайте дальше! Господь свидетель, что эти дурни вышли на охоту. Но перед уходом они заставили епископа поклясться на Библии, что замок к их возвращению будет открыт. Тот, в свою очередь, исполнил их требование.

– Предусмотрительные, – заметил Куль. – Но, я бы епископу не доверял!..

– Как бы там ни было, только охотник провёл рыцарей по лесам – болотам, но кабанов они так и не обнаружили. Зато, когда вернулись к замку, увидели, что ворота – заперты!

– Этого и следовало ожидать! – промолвил Теодор. – Меньше надо было бесчинствовать! Но, как же клятва епископа?

– Вот и тевтонцы задали тот же вопрос Трясущейся Голове. А он им ответил, что замок по-прежнему открыт… для неба… Но – не для поля! Ха-ха-ха!!!

Под дружный смех компания опустошила кубки.

– Малыш Якоб, поведай нам, как тебе служится у Пельшица? Он гоняет тебя по лесам и полям, как епископ – тевтонских кавалеристов!

– Что поделать, уважаемый герр Хеллике. Я счастлив, что у меня именно такая работа. Кстати, не слышали ли вы, господа, о некоем лесном духе Франце? Люди поговаривают, что он… причастен к исчезновению моего отца…

На некоторое время за столом воцарилась тишина.

– Видишь ли, малыш Якоб, – ответил Хеллике. – Кёнигсбергская земля полна загадочных и таинственных явлений. Когда только возник сам Замок, то сразу же родилась и легенда о волчице Герре… История это давняя, но я её расскажу, если мои друзья позаботятся о полноте этого кувшина, – он кивнул на сосуд, который только что освободился от вина.

– Так вот, – продолжил он, когда кувшин опять радовал его душу своей полнотой. – Когда началось строительство Замка, были уничтожены вековые деревья, гнездовья птиц и логова диких животных, а также – некоторые святилища пруссов. Люди и звери перестали сюда захаживать, и только старая волчица Герра приводила на восточный склон горы свою стаю, и с безопасного расстояния наблюдала за людьми. Не ведавшие страха крестоносцы уверяли, что это – вудлаки, то есть духи прусских колдунов, оборачиваются волками. И тревога поселялась в сердцах отважных рыцарей, когда их взор обращался на восток.

Однажды, зимой, а в тот год она выдалась особенно лютой, волки стали нападать на всё живое. Из логова Герры, а оно располагалось как раз на востоке от Замка, всё чаще доносился леденящий душу вой. Её огромные следы на отлогом склоне Королевской горы всё чаще пестрели на снегу. А однажды, когда уже вечерело, большая стая волков подошла к самому Замку. Стража заметила их и решила приманить поближе. На расстояние арбалетного выстрела. Они бросали мясо на снег, а голодные волки, среди которых было много щенков, оказались у самых стен… Затем началась бойня. Солдатам было весело. Они сложили под стенами Замка целую гору из матёрых волков и волчат… И тогда ужасный вой разнёсся по всей округе… А потом наступила ночь…

– Это всё правда? – спросил Якоб, пока старик прочищал своё горло глотком вина.

– Скорее всего, да. Насколько я знаю тевтонцев и волков.

– И что же было дальше?

– Волки окружили Замок и попытались прорваться внутрь.

– Настоящая осада, – заметил господин Кулль.

– Да, крепкие ворота едва сдержали их натиск. Волки исцарапали когтями стены Замка… крест-накрест. Всю ночь в Замке никто не спал. Горели свечи и факелы, людей объял настоящий ужас. Едва рассвело, рыцари увидели Герру. Она необъяснимым образом пробралась во двор Замка. Но никто не осмелился пустить в неё стрелу, никто не напал на самку зверя. Напротив, открыли ворота и выпустили её… А потом… Много дней после этого, неподалёку от Прегеля, люди находили убитых рыцарей. Одни были разорваны на куски,

у других – выедено лицо… Кто-то вмёрз в лёд, а от кого-то осталась одна лишь одежда… Рыцари решили, что им мстят вудлаки…

– А что волчица? – спросил потрясённый рассказом Якоб.

– Её больше никто не видел. Но следы Герры неоднократно появлялись вблизи Замка.

Якоб почувствовал, что он уже согрелся. Но покидать уютный кабачок ему совсем не хотелось.

– А что всё-таки известно про Франца? – спросил он, откусывая кусок хлеба.

– Это – сказки, – заявили братья-кузнецы. – По всей Германии ходят слухи, но никто его не видел…

– Не скажите, – неторопливо проговорил старый портной. – Слухи слухам – рознь.

– Его ещё называют Чёрным Францем, – заявил Кулль. – И он похищает тех, кто находится в родстве с ведьмой!

– А зачем?

– Никто не знает, – ответил Хеллике. – Поговаривают, он делает из людей своих слуг. Точнее, слуг леса… Кому-то они загоняют дичь, кого-то наоборот, отваживают или заманивают в чащу… А иного – придавят деревом или заведут в болото…

– Так что, будь осторожен, дружище Якоб, – усмехнулся рыбак. – Ты ходишь по лесам в поисках кореньев и трав. Как бы и тобою не заинтересовался старина Франц…

– Господь не допустит, – пробормотал юный лекарь. Он почувствовал, что у него начали слипаться глаза. – Пожалуй, я пойду…

Глава 2. Тамплиер

Под свою аптеку доктор Пельшиц определил подвальное помещение. Оно было разделено на две половины: в первой хранились уже готовые лекарства, во второй находилось оборудование для их изготовления. Каждое утро Якоб надевал фартук, спускался туда и принимался за работу. Он растирал в ступке высушенные листья, семена и коренья, делал отвары и настойки, соблюдая при этом необходимые пропорции, особенно, когда в ход шли такие «опасные» травы, как ландыш, клещевина или белладонна. После обеда он, тщательно потерев руки морским песком, помогал доктору в приёме больных: учился самостоятельно накладывать деревянные лангеты на сломанные конечности, ушивать раны, распознавать по зрачкам, цвету кожи и испражнениям, от чего страдает пациент.

– Болезнь никуда не спрячется. То одним, то другим боком она обязательно проявит себя. Для врача главное – вовремя заметить её признаки и поставить правильный диагноз. *Absque omni exceptione!*[4] – говорил наставник.

Сырое и туманное утро 2-го октября принесло неожиданный и не очень приятный сюрприз. Ещё не было и семи часов, как в дверь врача уже стучали кулаком.

– Господин доктор, откройте, ради всего святого!

Привезли тяжелораненого. Высокий парень в кирасе и с алебардой, сопровождавший телегу с раненым, объяснил лекарям, что стража при смене караулов обнаружила недалеко от Лавочного моста мужчину со следами серьёзных побоев.

– Возможно, это один из япперов, повздоривший с ремесленниками из Альтштадта, — предположил он. – Неплохо досталось, бедняге, Господь – свидетель.

Но, судя по одежде, на простого горожанина незнакомец явно не походил. Хоть его кафтан был испачкан и разорван, а сквозь дыры просматривалось голое тело с синяками и ссадинами, но была видна и искусная выделка материи, и дорогая ткань. Только один плащ чего стоил! Такой плащ, несомненно, был бы к лицу настоящему рыцарю.

– Заносите в дом, – приказал доктор, послушав сердце раненого и убедившись, что его пациент ещё дышит. – Якоб, примочки и сборы для остановки крови! Если бы его доставили хотя бы пару часов назад, шансов на спасение было бы гораздо больше! А теперь будем уповать только на Пресвятую Деву Марию! – Пельшиц перекрестился.

Якоб, как всегда, был расторопен. Лишь только раненого положили на стол и с большой предосторожностью сняли с него облачение, он уже стоял рядом, держа в руках необходимые лекарства. Пельшиц наложил на шею, где виднелась глубокая рваная рана, тампон из чистой ткани и, аккуратно, но сильно, придавил его сверху своей ладонью.

– *A prima facie*[5] – создаётся впечатление, что его сбила лошадь, – пробормотал доктор. – Гляди, малыш, эта рана, хоть и обильно кровоточит, но не смертельна. А вот грудь… пострадала значительно сильнее. Похоже, по ней нанесён мощный удар. Сломано, по меньшей мере, пять рёбер. Огромный кровоподтёк! Но, что послужило причиной? Дубина разбойника или лошадиное копыто? А, может, чей-то рог?.. Осторожно, Якоб. Любое движение причиняет несчастному невыносимые страдания… Настойку из болиголова приготовил?.. Молодец!

Омывая водой лицо и грудь новому пациенту, Якоб наткнулся рукой на странный крест, висевший на шее пострадавшего. У креста были две поперечные перекладины.

[4] Без всякого сомнения (лат.).

[5] На первый взгляд (лат.).

– Это — лотарингский крест, – отчего-то шёпотом произнёс Пельшиц. – Правом на его ношение пользуются исключительно рыцари тамплиеры. Значит, наш раненый – тамплиер? Но этот Орден уничтожен более ста лет назад…

Вошёл стражник. Он принёс головной убор раненого незнакомца, его сумку и шпагу в ножнах.

– Это принадлежит сему господину, – он кивнул на лежащего без чувств пациента доктора Пельшица. – Надеюсь, с помощью Господа нашего он выздоровеет, и эти вещи вновь послужат ему. – Он ещё раз хмуро взглянул на больного, на доктора и его помощника, и вышел во двор.

– Я слышал, – сказал Якоб, – о рыцарях тевтонцах, об иоаннитах, о храмовниках…

– Тамплиеры – это и есть храмовники. Их орден был полностью разгромлен королём Филиппом Красивым при содействии папы Климента V. Это давняя история, – продолжал он, вытирая ветошью испачканные кровью руки. – Многие рыцари попытались сбежать из Франции, и, хотя указом папы и короля было строго-настрого запрещено оказывать им любое содействие, некоторым всё же повезло: их пропустили в Англию, Германию, Польшу… Они разбрелись по всей Европе, притаились, но, видимо, каким-то образом поддерживают связи друг с другом. Да и сам Орден, весьма возможно, уже тайно… возродился… А наш пациент, боюсь, скоро распрощается с этим миром, да простит меня Господь за мои слова. К сожалению, наши возможности не безграничны: болезни иногда сильнее врача, – Пельшиц перекрестился. – Мудрый Эпикур сказал: «Не надо страшиться смерти. Когда мы существуем, она еще не присутствует, а когда смерть приходит, не существуем уже мы!»

Марта принесла ещё свечей, в комнате заметно посветлело.

– Орден храмовников, мой мальчик, был чрезвычайно богат, – тихо говорил врач. – Они имели владения по всей Европе, у них был собственный флот, они совершали крупнейшие торговые и финансовые сделки, и не только в Европе. Об их неимоверном богатстве ходило множество слухов. По-видимому, именно это и послужило основной причиной предпринятых гонений на них. Но, их золота так никто не нашёл. Видимо, его успели куда-то увезти и спрятать…

Вошёл Карл Земель, член городского совета Альтштадта, человек важный и слишком тучный для своих тридцати лет.

– Бургомистр спрашивает, каково состояние раненого, доставленного вам сегодня утром, – пробубнил он, даже не поздоровавшись с лекарями. – Есть ли надежда, что он назовёт имя напавшего на него?

– Увы, – развёл руками доктор. – Боюсь, что он уже ничего не скажет. Господь свидетель, что мы делаем всё, что в наших силах, но, взгляните, сударь, у него раздроблена вся грудь. Сломано пять или шесть рёбер… Вскоре он не сможет сам дышать.

Земель брезгливо покосился на пациента и вышел вон.

– Но, вдруг ему поможет эта настойка? – Пельшиц взял в руки пузырёк с тёмной жидкостью. – Болиголов иногда делает чудеса, – и осторожно увлажнил ею грудь пострадавшего. – Пресвятая Дева Мария, помоги несчастному рыцарю…

– Всё-таки странно, богатый человек, видимо, дворянин… даже без кольчуги, вооружённый одной лишь шпагой…

– Это – шпага-фламберг.

– …вышел пешком из Кнайпхофа… или следовал в Кнайпхоф… Возможно, у него была лошадь?

– Похоже, что так. Взгляни, мой мальчик, на эти ссадины на его коленях. – Такие обычно получают при падении с лошади…

– А потом она лягнула его копытом…

Пельшиц пожал плечами.

– Может быть, и так. Но обычно, рыцарские кони ведут себя совершенно иначе. А это – рыцарь, уж поверь моему слову…

Действительно, перед ними лежало тело человека, которому едва перевалило за сорок, весьма развитое, мускулистое, со шрамами, которые можно получить лишь в бою… Лицо его тоже было ухоженным: небольшие усики и аккуратно подстриженная бородка только подчёркивали благородство их пациента.

– Сумка его пуста, – заметил доктор. – Видимо, он нёс в ней что-то ценное.

– А крест на сумке…

– Тоже тамплиерский. Об этом говорят расширяющиеся лучи и красный цвет. Да, мальчик мой, этот господин – рыцарь тамплиер. Скорее всего, он выполнял какое-то тайное поручение…

– Но не ожидал опасности…

– Конечно. На улицах нашего города вряд ли кто-то отважится напасть на рыцаря, пусть он даже без доспехов, и вооружён одним лишь фламбергом…

Внезапно, словно судорога пробежала по лицу раненого. Веки его дрогнули, и с губ слетели слова:

– *Mala fide*...[6]

– Он ожил! – воскликнул было Якоб, но Пельшиц знаком приказал ему замолчать. Затем склонился над рыцарем.

– Кто вы, сударь?

Тот тремя выдохами сумел произнести слова, смысл которых едва уловил доктор:

– Кнайпхоф… школа… куклы Магды…

– Кто вы, сударь? – повторил свой вопрос лекарь.

– Передайте… это… – и его правая рука дрогнула.

Пельшиц и Якоб обратили внимание, что кисть правой руки рыцаря была сжата в кулак. Видимо, там, в кулаке, и хранилось нечто, что следовало передать… в какую-то школу на Кнайпхофе.

И в этот момент тамплиер испустил дух…

– Всё… – тихо произнес юноша и сел на скамью, бессильно свесив руки.

С трудом разжав кулак рыцаря, доктор обнаружил кусок янтаря, по форме удивительно напоминающий миниатюрную лошадиную голову.

– Господь свидетель, что мы столкнулись с какой-то тайной, – пробормотал Пельшиц.

Тело рыцаря тамплиера было отправлено в церковь святого Николая. После этого лекарь и его помощник занялись пациентами, скопившимися во дворе дома. Впрочем, особо «тяжёлых» не было, к вечеру поток страждущих иссяк и Пельшиц с Якобом спокойно сели ужинать. Заботливая Марта приготовила им овсяную похлёбку и запечённую курицу. Врач потребовал вина. Он был хмур. Что-то терзало его, это было заметно.

После трапезы, глядя в окно на почерневшее небо, он сказал Якобу:

– Видишь ли, мой мальчик, мне кажется, что рыцарь перед смертью обратился к нам с просьбой. И мы должны выполнить его последнее желание.

– Вы считаете, что он пришёл в сознание только для того, чтобы передать нам свою волю?

– Именно так, клянусь Распятием… Именно так. И мы должны её выполнить…

– Но, мне не ясно, чего же он хотел, сударь?

[6] Неискренне, нечестно (лат.).

– Я понял так. На Кнайпхофе есть какая-то школа… Там то ли играют, то ли мастерят куклы… какой-то Магды. Надо передать им этот кусок янтаря и сообщить, при каких обстоятельствах он попал в наши руки… Это всё, на что мы способны.

– Но, что это за школа и как её найти?

– Ещё не поздно, мой мальчик, – с грустной усмешкой произнёс Пельшиц. – Загляни в «Усы сома». Наверняка там найдутся люди, которым что-то известно об этом заведении. А завтра поутру сходи туда и выполни поручение рыцаря… И пусть душа его будет спокойна.

В кабачок Якоб пошёл с неохотой. Он и рад бы повидать своих приятелей, отдыхающих после праведных трудов, да и кружечка пива сейчас была бы как нельзя кстати. Но… не нравилась ему сама затея с поиском какой-то таинственной школы. Да ещё – на Кнайпхофе, где, как известно, колдунов и чернокнижников – хоть пруд пруди. Но, Пельшиц прав: рыцарь перед своей кончиной дал ясно понять: это – его последняя воля. А такую волю исполнить – святой долг всякого истинного христианина. А ежели ты решишь сделать иначе – дух рыцаря непременно отомстит.

В заведении почти ничего не изменилось. Опять пьяные солдаты шумят за дальним столом, снова расторопная девушка, Анна Клигер снуёт меж посетителей со снедью и кувшинами, вновь на своём излюбленном месте расположилась компания приятелей Якоба. Только подслеповатый музыкант что-то играет на лютне в глубине кабачка, да на лавке рядом с портным, кузнецами и пивоваром едва сидит пьяный бакалейщик Томас Цойге, поругавшийся с женой. А рыбак, как понял молодой лекарь, отправился в Фишхаузен за товаром.

– Присаживайся, Якоб. Мы, по милости божьей, отдыхаем, переведи дух и ты с нами, – весело проговорил герр Кулль. – Принеси-ка ему кружку и кувшин пива, – дал он указание Анне.

– Что-то зачастил ты в кабачок, сынок, – насмешливо произнёс Хеллике. – Наши подмастерья каждый день по таким заведениям не бегают!

– Пельшиц – известный добряк, – заметили братья. – А Якоб – толковый помощник. Садись, малыш, выпей пива и не слушай старого зануду!

– Я по делу, – объявил помощник городского врача, усаживаясь на скамью. – А оно заключается в том, что сегодня у нас преставился раненый, который перед смертью объявил нам свою волю… Надо сходить на Кнайпхоф и найти там какую-то школу… Школу кукол Магды… Никто из вас не знает, о чём идёт речь?

– О колдовстве, – перестав улыбаться, ответил Хеллике.

– Почему о колдовстве?

– Потому что такой школы там нет. Кнайпхоф – самое большое убежище чернокнижников и колдунов во всей Пруссии. И если говорят о чём-то непонятном, но расположенном на Острове – будь уверен: речь идёт о колдовстве! Вот послушай легенду о князе Деслау…

Якоб понял, что быстрого ответа на свой вопрос ему не получить. Он взялся за кружку с пивом и покосился на сидящего неподалёку Томаса Цойге. Тот с трудом поднял голову, которая уже готова была скатиться ему под ноги, обвёл заведение мутным взглядом, вновь закрыл глаза и… его голова опять начала склоняться к пузу.

– Старик Деслау умел колдовать, – начал свой рассказ старый портной. – Теперь это ясно даже младенцу. Иначе, как объяснить то, что он в любой битве сражался без шлема и ни один волос не упал с его головы? Меч, копьё, стрела… ничего его не брало…

– Везение, – отмахнулся Кулль. – Мой кузен точно также сражался, и тоже… жив – здоров…

– Не скажи. Другой случай произошел в середине лета. Отправился однажды Деслау из Мемеля в Альдштат. А поскольку спешил очень, то решил следовать самым коротким

путём, через залив… И поскакал прямо по Фришес-Хафф![7] А вода держала его вместе с конём, точно самый крепкий лёд зимой!

– И кто это видел? – спросил один из братьев-кузнецов.

– Люди видели, рассказывают… Так вот. За какие-то там заслуги пожаловал ему король имение Норкиттен. А в этом районе проживает много литовцев. Старик Деслау взял их на работу и был им хорошим хозяином. Всё у него получалось. Вскоре имение его, ранее – сильно запущенное, стало процветать и радовать глаз. А всё почему?.. Люди, проживавшие в тех местах, сказывали, что Деслау мог одновременно находиться в разных местах, поэтому всегда и везде успевал, и всё видел своими глазами…

– Да правда ли это? – засомневался Кулль. – Везде успеть… невозможно…

– Это тебе невозможно. Но он – колдун… Слушайте дальше. Решил старик Деслау построить в деревне Бубайнен мельницу. Только в качестве рабочих он взял ремесленников из Германии. Не доверял он, видишь ли, литовцам…

– И правильно, – добавил Кулль. – Немецкий рабочий – самый ответственный! Вот, помню… впрочем, рассказывай дальше…

Старый портной допил из кружки пиво и продолжил:

– Значит, пригласил он немцев. Но однажды у мастера на мельнице работу попросил литовский подмастерье. Тот ему отказал, обозвав чем-то вроде неумехи и бездельника. И, что бы вы думали? Работы на строительстве застопорились! Мастера выходили из себя, рабочие сутками пропадали на мельнице, а дело – стояло. Как вы думаете, почему?..

Якоб слушал, но уже без прежнего настроения. Он-то полагал, что всезнающий герр Хеллике хоть как-то прояснит ситуацию со школой кукол Магды, а он затеял новый рассказ про колдовство. А у кого ещё можно спросить? У пьяных вояк, громко затянувших старую солдатскую песню? А может, у музыканта, который почти слеп, отчего цепко держит лютню, боясь выпустить её из рук? У ремесленников, которые уже тоже здорово навеселе и любой вопрос вполне могут воспринять за оскорбление? У торговца хлебом Урхо Кеннона, который высыпал на стол мелкие сонеты и тщательно пересчитывает их? Или у мотающего головой в попытках хоть немного протрезветь Томаса Цойге?..

– А потому, – продолжал свой рассказ Хеллике, – что этот литовский подмастерье тоже кое-что понимал в колдовстве. И мастер скоро догадался, кто стоит за всеми этими… безобразиями. Он приказал позвать литовского парня и дал ему работу. И что бы вы думали? Стройка продолжилась в прежнем темпе, всё потекло слаженно и точно! Мельница получилась на загляденье! А вот когда подмастерье пришёл за заработанными деньгами, то старик Деслау просто-напросто прогнал его! Парень рассердился, но спорить не стал. Он знал, что хозяин – колдун и тягаться с ним силами в этом ремесле в собственном замке Деслау не решился. Но подумал, что его время скоро наступит, надо только подождать! И этот момент вскоре наступил! Старик Деслау отправился в Кёнигсберг по какому-то делу. Парень – за ним. Он знал, что колдовские чары его обидчика вне собственного имения теряют силу! Расположился, значит, князь в Королевском замке, выглядывает в окно, улыбается летнему солнышку… А тут – литовец собственной персоной! «Отдавай, – говорит, – заработанные мной на мельнице деньги!» Старик Деслау только посмеялся над ним. И, между прочим, зря…

Хеллике наполнил свою кружку и посмотрел на своих приятелей, надеясь обнаружить в их глазах интерес. Пивовар и двое кузнецов слушали с улыбкой, а молодой лекарь был чем-то озабочен.

– И наколдовал литовец старику Деслау лосиные рога. Которые стали расти на его голове! Не сразу, конечно, но вскоре князь обнаружил лишнюю растительность на своём

[7] Ныне – Калининградский залив.

темени. А когда заметил, то пришёл в ужас. Рога росли всё больше и больше! Конечно, пришлось старику Деслау выплатить деньги парню. С тех пор он зарёкся мериться колдовскими силами с литовцами!

– Мораль: будь честен со своими работниками, – заметил Кулль, опустошая кружку. – Что загрустил, малыш Якоб? Или сказка не по нраву?

– Это не сказка… Люди так говорят…, – ответил Хеллике пивовару.

– История занятная, – пожал плечами молодой лекарь. – Но она не прибавила мне знаний про школу кукол Магды… Я, пожалуй, пойду…

– Эта… школа находится на… Кнайпхофе! – с трудом ворочая языком проговорил Томас Цойге, которому удалось, наконец-то добиться того, чтобы его голова вертикально держалась на шее. Взгляд его стал более осмысленным, но слова он произносил с трудом. – Школа… «Куклы… старой… Магды»…

– Вы знаете, где она? – едва не подпрыгнул на лавке Якоб.

– З-знаю… Кнайпхоф невелик, … и эта школа не на виду… Но мне – известно…

– Вы покажете мне её, герр Цойге?

– Ох-хотно… Приходи завтра к Лавочному мосту. В шесть утра… Я пойду принимать товар к Зелёному мосту… И, хоть это… не совсем по пути… я покажу тебе то место…

Глава 3. Магия зеркал, дьявольские куклы и арбалетный выстрел

Ранним октябрьским утром Якоб Шоль, закутавшись в шерстяной плащ, уже стоял неподалёку от сторожевой башни Лавочного моста – главного путепровода, соединяющего Альтштадт с Кнайпхофом. Поверхность Прегеля холодно поблёскивала, напоминая рыцарский нагрудник. В клубящемся серо-голубом тумане, из которого выглядывали лишь шпили Собора и самых высоких зданий, город на острове казался ещё более таинственным и загадочным.

Община островного поселения стала самостоятельным городом в 1327 году. С тех пор Кнайпхоф считался одним из трёх городов Кёнигсберга, имел собственный герб (рука, держащая корону, на зелёном фоне, а по краям – охотничьи рожки) и входил в Ганзейский союз[8].

Якоб не раз бывал на Кнайпхофе и прекрасно знал, что этот город, стоящий на тысячах деревянных свай, хоть и невелик, но застраивался густо с самого момента его основания. Двумя мостами он соединялся с Альтштадтом (Лавочный и Кузнечный) *и* двумя – с Форштадтом (Зелёный и Потроховый). Власти Кнайпхофа собирались возводить ещё один мост – на остров Ломзе, но пока до этого дело не дошло. Зажиточные горожане строили дома из кирпича, покрывая крыши черепицей. Важнейшим строением Кнайпхофа являлся Кафедральный собор. Неподалёку располагалась Голубая башня – главная тюрьма города. А центральная улица города – Ланг-Гассе протянулась от Зелёного моста до Лавочного с севера на юг. С запада на восток её пересекал ряд поперечных улиц: вдоль южного русла Прегеля – Водный переулок – Вассергассе, который по нескольку раз в году затоплялся водой, улица Хлебных лавок – Бродбернкенштрассе, где жили торговцы зерном, мукой и хлебом, следом шла улица Мясных лавок – Флешбенкенштрассе. Вдоль северного русла реки пролегала улица Капустный рынок – Колтор. Рыночная площадь возле улицы Бродбенкенштрассе была скромных размеров, зато её украшала ратуша – одно из самых знаменитых зданий города. Параллельно главной улице шли: Хофгассе, место сборищ местных купцов, Кеттельштрассе (Потрошковая улица), которая вела от одноимённого моста к северному рукаву реки, следом шла сапожная улица – Шугассе, где располагались мастерские и лавки ремесленников, изготовлявших обувь и одежду. Ближе к Собору ветвились маленькие узкие улочки и переулки, в которых было несложно заплутать.

Вдали раздавались громкие команды, подаваемые, видимо, шкипером пришвартовавшегося судна. Звенели цепи, слышался скрип лебёдки, разматывающей канаты. Из темноты доносился металлический скрежет: это Потроховый мост, разобранный на ночь, вновь намеревался соединить берега реки.

Поскольку Кнайпхоф располагался на острове, то и специализировался он на торговле и судоходстве. И то, что издавна об этом городе ходила слава «колдовской столицы» Пруссии, Якобу уже было известно.

Звон подков и скрип колёс возвестили о том, что разгрузка судов началась. Из Альтштадта потянулись повозки торговых людей за прибывшим товаром. Среди них должен быть и Томас Цойге.

По правде говоря, помня, как жалко выглядел бакалейщик прошлым вечером, Якоб сильно сомневался, что тот сможет начать утреннюю работу вовремя. Но Цойге оказался «на высоте».

---

[8] Союз, объединивший торговые города в XIV – XVI веках. Он контролировал всю торговлю на Балтийском и Северном морях и обладал монопольными привилегиями в других регионах.

– Садись в телегу, – крикнул он молодому лекарю, едва его лошадь поравнялась с Якобом.

Тот прыгнул на жёсткое сидение и примостился рядом с Томасом. Лошадью управлял помощник бакалейщика, Мартин Хозе.

– Так ты уверен, что тебе нужно именно в школу «Куклы старой Магды»? – спросил Цойге. Выглядел он не так уж плохо, видимо, с утра успел поправить здоровье одним-двумя кубками…

– Конечно, сударь. Раненый рыцарь ясно сказал про школу, куклы и Магду…

– Рыцарь… Что ж, вполне возможно. Только, будь начеку. Это – очень опасное место. Поговаривают, что там занимаются богомерзкими делами…

Копыта их лошади застучали по Лавочному мосту.

– А что вы, сударь, знаете об этой школе?

– Да почти ничего. Знаю только, где она находится. И то, что те, кто владеет этой школой, сильно интересуются людьми, обладающими… необъяснимой силой. А такие люди существуют.

– Колдуны, что ли?

– Да кто их знает, молодой лекарь. Обычные люди… С виду обыкновенные и не делающие никому зла. Но они могут исцелять больных, даже одержимых бесами, указывать, где следует рыть колодцы, а где строить дома, предупреждать о грядущих наводнениях… Святая инквизиция вполне может посчитать это за колдовство, но, поверь мне, силы Дьявола тут не при чём. Иногда такими людей создаёт сам Господь…

На середине Ланг-Гассе Цойге и Якоб спрыгнули с телеги, и бакалейщик повёл лекаря вдоль теснившихся строений южной части Кнайпхофа. Впереди огромной красноватой горой с остроконечной вершиной, проглядывали очертания величественного Кафедрального собора. Не доходя до него, Томас повернул вправо.

– Вот этот дом, под аркой. Стучи смелее в дверь! А я – побегу за товаром! – бросил он Якобу, и слишком поспешно скрылся в тумане.

Молодой Шоль подошёл к двери. В узкое окошко над нею пробивался свет… Значит, в доме кто-то есть…

– Якоб взялся за медное кольцо с миниатюрной львиной головой, вставленное в петли, и резко ударил по обитому железом дереву. Затем – ещё раз, чуть громче.

Через некоторое время дверь приоткрылась, из-за неё выглянуло бледное лицо пожилого человека.

– Кто вы, сударь, и что вам угодно?

– Простите меня, господин… Я – ученик лекаря из Альтштадта. Вчера у нас на руках умер раненый рыцарь. Перед смертью он попросил нас передать вам это… – и Якоб протянул старику ладонь, в которой лежала янтарная «лошадиная голова».

Увидев этот предмет, старик вздрогнул. Дверь тотчас распахнулась.

– Входите, – прошептал он.

Когда Якоб вошёл, тот высунул голову наружу и долго вглядывался в туман. Едва юноша сделал пару шагов по узенькому коридору, как услышал скрип ступеней: кто-то спускался к нему со второго этажа. Молодой лекарь протянул вышедшему из полутьмы высокому, статному человеку янтарное изделие и произнёс:

– Вот, сударь. Это велено передать вам…

Незнакомец поднёс свечу к «лошадиной голове», затем осветил лицо Якоба и ответил:

– Прекрасно. Ступайте наверх, бесстрашный юноша. Там для вас приготовлена комната.

Такое поведение немало удивило молодого лекаря. Но, возможно, здесь, в этой таинственной школе, так принято? Не говоря ни слова, он последовал наверх. Старый привратник запирал дверь на засов, а второй господин молча наблюдал за ним.

Поднимаясь по лестнице, юноша вдруг почувствовал себя крайне неуютно: ему стал слышаться тихий невнятный шёпот и иные звуки, похожие то на чей-то смех, то на всхлипывания… А когда он поднялся этажом выше, то в его голове вдруг совершенно отчётливо прозвучали слова: «Якоб, открой вторую дверь справа…»

В комнате, куда он вошел, было достаточно светло. Горело полдюжины свечей. За ним не спеша вошёл мужчина, которому Якоб показал янтарную фигурку. Хозяин более внимательно взглянул на своего гостя, а тот – на него. Высокий, крепкого телосложения человек был одет в жакет, поверх которого он накинут лёгкий упленд зелёного цвета с широкими рукавами. На ногах – кожаные туфли. Во внешности незнакомца угадывались восточные черты: смуглая кожа, чёрные, немного раскосые глаза, тёмные волосы, спадающие до плеч, крупный, выдающийся вперёд нос и тяжёлый, «квадратный» подбородок.

– Признаюсь, меня удивило, что магистр прислал такого… юного посланца. Что ж, это характеризует тебя, как человека, обладающего выдающимися способностями… Присаживайся, юноша. Сейчас к тебе выйдет наша госпожа…

«Я не тот, за кого вы меня принимаете!» – хотел воскликнуть Якоб, но не успел: человек, разговаривавший с ним, шагнул в сторону и… словно, растворился…

Молодой лекарь огляделся: комната оказалась весьма просторной… Высокий потолок, два окна, сквозь которые уже начал проникать солнечный свет, на полу постелен мягкий ковёр, тихо потрескивающий камин, а на стене – страшный охотничий трофей – огромная волчья голова с оскаленной пастью… Шкаф со статуэтками, вылепленными из глины… Пара табуретов, широкая лавка, покрытая бархатной материей… Зеркало в углу… Настоящее, стеклянное… фламандское. Стоит, наверное, бешеных денег! Но, почему в углу, а не на самом почётном месте?

Якоб подошёл ближе и увидел в зеркале своё отражение: испуганный мальчишка со взъерошенными волосами, потрёпанный плащ, стоптанные башмаки «коровья морда»… Но, ничего. Сейчас появится кто-нибудь, кому он объяснит, что его приняли за другого… Ведь он не посланец какого-то магистра. А этим посланцем, скорее всего, был рыцарь тамплиер, которого безжалостно убили ударом чего-то тяжёлого, вроде кузнечного молота, в грудь… Якоб передаст эту странную янтарную «лошадиную голову» и отправится домой, помогать доктору Пельшицу принимать больных. Он поправил рукой волосы, нахмурил брови, состроил смешную рожицу и… Внезапно, словно лёгкая дымка окутала зеркальное изображение… Якоб сделал два шага назад, не отрывая взгляда от зеркала… Пелена тумана начала заволакивать его отражение. Это было настолько невероятно и страшно, что молодой лекарь затаил дыхание и словно остолбенел… он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, а только пристально смотрел на поверхность волшебного стекла. Наконец, туман стал рассеиваться и внутренне напряжение, сковавшее Якоба, понемногу ослабело. И тут… вместо собственного отражения, он увидел женскую фигуру с добрым и таким родным лицом! Это же его мать, Габи Шоль! Немного грустные глаза и лёгкая улыбка на губах… «Мама!» – хотел воскликнуть юноша, но слова застряли у него в горле. Габи посмотрела на своего сына и приветливо кивнула ему… Вдруг изображение матери дрогнуло и стало расплываться. Через мгновение, вместо неё на Якоба уже смотрел широкоплечий мужчина лет сорока, с чёрными усами и бородой, глядел внимательно, изучающе… Кто это? Всё похолодело внутри у юноши, и откуда-то из самых глубин сердца пришла подсказка: ведь это же – его отец!

– Что ты увидел в этом зеркале, мальчик? – негромкий женский голос вернул Якоба к реальности. Он вздрогнул и вновь распознал отражение самого себя, только чрезвычайно взволнованного.

Юноша обернулся на голос. Перед ним стояла женщина средних лет, по-видимому, дворянк**а**. Она была одета в укороченное сюрко без рукавов, поверх которого был наброшен длинный нарамник, подпоясанный золотистого цвета ремешком. На лбу, прихватив густые волосы каштанового цвета, красовался узорчатый серебряный обруч, на тонких пальцах – колечки с драгоценными камнями, в которых Якоб мало разбирался. Тёмные глаза с интересом наблюдали за молодым лекарем.

– Я… – с трудом выдавливая из себя слова, ответил юноша, – только что… в этом зеркале… видел своих… умерших родителей…

Женщина покачала головой, и не было понятно, осуждает ли она Якоба, сочувствует или просто забавляется. Она протянула руку, раскрыв ладонь, и молодой лекарь вложил в неё янтарное послание тамплиера.

– Садись же, мой мальчик, – ласково сказала она, показав глазами на стоящий подле шкафа табурет. Сама же устроилась на лавке, покрытой бархатной материей.

Якоб осторожно присел, робко поглядывая на таинственную госпожу.

– Простите, ваша светлость… Господь – свидетель, что не я был посланником. Это… янтарное изделие нам передал раненый рыцарь перед самой своей кончиной… Я – помощник городского лекаря Альтштадта Якоб Шоль. А вы, смею надеяться, и есть та самая госпожа Магда, чьё имя упоминается в названии школы?

– В названии упоминается «старая Магда», – насмешливо ответила дама. – А я разве стара? – и мило улыбнулась.

– Простите, – совсем смутился юноша. – Конечно же, нет! Вы…

– Впрочем, можешь меня называть Магдой, – прервав оправдания Якоба, продолжала дама. – Называться этим именем – большая честь для меня… Так кого ты видел в этом зеркале? Своих родителей?

Якоб кивнул головой.

– Которые уже умерли?

Якоб кивнул ещё раз.

– Да, – промолвила Магда после небольшой паузы. – Это – непростое зеркало. При желании, оно без особого труда может отправить человека в интересное путешествие… чтобы показать ему минуту его рождения или даже кончины… Оно отображает наши потаённые желания, которые спрятаны в глубине разума… Ты знаешь, есть «чёрные» зеркала. Они накапливают зло. Распознать такое зеркало очень легко – от него постоянно веет холодом. Его поверхность остаётся такой, даже если оно находится в очень тёплом помещении. И стоит к такому зеркалу поднести зажжённую свечу, как она тут же погаснет. Но его можно очистить от скверны. Для этого следует омыть «чёрное» зеркало святой водой… или чистой родниковой, непременно читая при этом молитву. А после – вынести его на яркое солнце или прокалить его по углам зажжённой церковной свечой… Это же зеркало – не такое. Оно помогает распознать людей с… выдающимися способностями. Поздравляю тебя, мой мальчик, ибо ты и есть – такой человек!

– Я? – поражённый услышанным, выдохнул из себя Якоб.

– Да. Обычный человек, глядя в такое зеркало, видит только себя. Ты же сумел заглянуть намного дальше… Теперь ты – наш!

– И что это значит? – не на шутку перепугался Якоб.

– Ничего. Просто, тебе будет уделено особое внимание. Таких людей, как ты, на свете не так уж много. Мы, в нашей школе, собираем их, узнаём, в чём заключается их Дар и используем его по назначению. Во славу Божью, – уточнила Магда. – Хасан! – позвала она кого-то.

Вошёл тот мужчина, который встретил Якоба. Взгляд его теперь был приветливый, даже весёлый. В руках он держал поднос с фруктами.

– Ты прав, Хасан. Мальчик выдержал испытание!

– Помилуй Господи, это же отлично, госпожа! И что, он согласен?

– Он ещё думает. Всё так внезапно свалилось на него… Он сомневается, – Магда опять мило улыбнулась. – Угости нашего юного друга фруктами и покажи ему наш дом… – Магда поднялась и вышла из комнаты.

Доктор Пельшиц не знал, сердиться ему на мальчишку-помощника или начинать беспокоиться. Прошло, по меньшей мере, три часа, как Якоб отправился в эту чёртову школу передать янтарную «лошадиную голову», а от него – ни слуху, ни духу! Чем он там так занят, ведь оттуда пешком – не более четверти часа! Даже если его задержала стража на мосту, то тотчас бы и отпустила, разобравшись. Или… Как тут не подумать о том, что Кнайпхоф – вместилище магов и чернокнижников, которые, чувствуя себя в полной безопасности, ведут свои богомерзкие исследования? Дурная слава об острове распространялась далеко за пределы Пруссии. Пользуясь попустительством властей, в Кнайпхофе активно действуют целые колдовские школы, которые занимаются сбором и изучением сатанинских знаний (и необъяснимых загадок). И эти знания используются далеко не во славу Господа… Куда же он послал своего ученика?

Больных сегодня пришло немного. Старой женщине он приготовил грудной сбор, а раненого в городской драке плотника перевязал. Троим горожанам, страдающим лихорадкой, дал потогонный отвар и напутствовал добрыми словами…

Через час его терпение лопнуло.

– Карл! – позвал он конюха. – Пошли Мартина к Томасу бакалейщику, пусть узнает адрес, куда тот отвёл нашего Якоба. Ежели через… полчаса мальчишки не будет, мы сами направимся в Кнайпхоф, клянусь Пресвятой Богородицей!

– В этой аудитории, – сказал Хасан, когда они с Якобом вошли в первую комнату школы, – те люди, которые обнаружили талант передвигать предметы при помощи мысли, совершенствуют своё умение.

– А разве это возможно, без рук, без ног… Одной только мыслью… подвинуть предмет? – засомневался молодой лекарь.

– Возможно. Господь создал этих людей таковыми, и наша задача – заставить их… нет, не заставить, а научить… управлять своим умением, используя его во благо Творцу… Ибо зачем тогда Всевышний даровал людям такой талант? Попробуй и ты сдвинуть хотя бы вот эту лучинку усилием своей воли…

Якоб попробовал, потом ещё раз, затем ещё… Бесполезно.

– Ну, ничего. Может быть, тебе даровано умение воздействовать на людей своей мыслью? Внушить им что-нибудь?…

Вскоре оказалось, что и этим даром Господь Якоба обделил.

– А это что за комната? Что это, куклы?

Они вошли в помещение, заставленное большими и маленькими фигурками, внешне напоминающими людей. Были они изготовлены из воска (маленькие) и кожи (большие).

– А это и есть куклы старой Магды, – усмехнулся Хасан.

– А зачем они? – удивился Якоб. – Разве для того, чтобы использовать как детские игрушки? Да и то – маленькие. Большие… слишком неудобны для игры…

– Нет, это не для забав, – нахмурил брови Хасан. – А для убийства…

– Тогда вообще… ничего не понимаю, – прошептал молодой лекарь, разглядывая кожаную куклу, выполненную в виде почтенного бюргера в красном жакете с плащом и шапкой с птичьим пером. Глазницы на кукольном лице были пусты.

– Вот это – заготовка, – пояснил Хасан. – Если требуется уничтожить какого-нибудь человека, мы изготовляем куклу, похожую на него. И даём ей его имя. Лицо корректируем так, чтобы соблюдалось сходство, в глазницы вставляем глаза животных. Мы их покупаем на рынке. Можно вставить глаза кролика или свиньи… А затем, прочитав заклинание, берём это… – тут в руках Хасана появилась длинная серебряная игла с янтарным шариком-набалдашником, – и протыкаем тело приговорённого к смерти. Точнее, куклу. И с того момента он… обречён.

– Но ведь это… колдовство… и чёрная магия, – прошептал потрясённый Якоб.

– Совершенно с тобой согласен, – ответил Хасан.

– Зачем вам эти дьявольские куклы? Кого вы собираетесь убивать?

– Так иногда случается в жизни, – спокойно пояснил провожатый, – что для решения какой-нибудь важной задачи… требуется устранить человека, мешающего нашему великому делу. Как правило, это очень плохие люди, на совести которых множество погубленных жизней, и которые готовы убивать и дальше. Заметь, юноша: порой приходится уничтожить одного и, тем самым, предотвратить большую войну, жертвами которой могут стать тысячи…

С этим Якоб кое-как мог согласиться.

– Но, тогда, это может быть… король?

– Может, и король, а может, лицо, близкое к его величеству, имеющее вес, к слову которого монарх прислушивается…

– Пречистая Дева!..

– Да, – грустно согласился с ним Хасан. – Это богопротивное занятие. И мы очень неохотно прибегаем к нему… В нашей школе, – добавил он, – есть люди, настаивающие на более широком применении этих кукол. А есть и такие, которые предлагают их сжечь. Господь – свидетель…

В течение некоторого времени они сумели убедиться в том, что Якоб не в состоянии «заговаривать» кровоточащие раны, не в силах ни на дюйм оторвать своё тело от пола и повисеть в воздухе, он не может проходить сквозь стены и не обладает таким взглядом, который способен «отвести глаза» другому человеку.

– Что ж, – проговорил Хасан. – Знать, Всевышний наградил тебя чем-то особенным!

Якоб удивился: разве перечисленные возможности человека являются чем-то обыденным? Но, спорить не стал. По-правде говоря, он немного устал и уже подумывал о том, что пора бы ему и откланяться, как ни велико было его желание остаться в школе и продолжать исследования.

Они спустились в подвальное помещение. Хасан отворил дверь в одну из комнат. У дальней стены, до которой было не менее десяти шагов, горел факел.

– Иди к стене и встань возле неё, – приказал он Якобу. Тот повиновался. Он повернулся к Хасану, который коснулся рукой чего-то металлического, поскольку послышался характерный звук.

– Стой там и не шевелись! – последовала очередная команда.

– Хорошо, я стою, – тихо ответил мальчик, готовясь к чему-то необычному.

Фигура Хасана маячила в темноте, но глаза Якоба, хоть с трудом, но различали его очертания. Вот он взял что-то в руки, поднял на уровень груди…

– Это — арбалет! – послышался приглушённый шёпот. – Ты узнал нашу тайну, поэтому сейчас умрёшь! Я – стреляю!

– Нет! – воскликнул Якоб, инстинктивно заслоняясь вытянутой вперёд рукой…

Болт, противно взвизгнув, вонзился в стену в двух локтях правее от молодого лекаря. И тут же послышался радостный крик Хасана:

– *Eureka!*[9]

– Что? – не понял Якоб, чувствуя, как противно дрожат его колени. – Почему ты хотел убить меня, Хасан?

– Извини, друг, – тот подошёл к юноше и склонил перед ним голову. – Я не хотел тебя убивать. Но, это… – он кивнул на арбалет, – было необходимо, чтобы проверить твои способности! И попытка – удалась, а победителей не судят! – И принялся убеждать опешившего Якоба: – Вот, ты стоял здесь, а я целился в это чёрное пятно, что в локте от тебя, – он указал на кружок, нарисованный на стене. – Видишь, здесь следы от болтов? Я никогда не промахиваюсь. Но ты… Но ты… силой своей воли… «отвёл» стрелу ещё на локоть в сторону! Значит ты – человек, «отводящий стрелы»! А возможно, и другие виды оружия – меч, копьё, топор или кинжал… Мы это ещё проверим! Прости, что пришлось напугать тебя. Но без этого твои способности могли не раскрыться! Пойдём же к нашей госпоже и доложим ей о своей находке!

Молодой лекарь облегчённо вздохнул. Его не убили – и то хорошо. А способность отводить удары? Что ж, это было бы тоже весьма неплохо!

Они поднялись наверх. В коридоре их ожидала Магда.

– Ну?.. – вопросительно взглянула она на Хасана.

– Да! – ответил тот. – Он отклонил мою стрелу на целый локоть!

– Прекрасно! Вот видишь, малыш, мы нашли Дар, которым наградил тебя Господь. Теперь тебе предстоит развить его, но процесс этот довольно сложный и потребует от тебя многих усилий. Мы поможем тебе в этом. А сейчас… Слышишь, раздаются стуки в нашу дверь? Это твой доктор и ещё пара здоровых парней пришли за тобой. Хасан выведет тебя через другой выход. Возвращайся домой, найди для Пельшица объяснение своей задержки… Но никому не говори ни слова о том, что ты здесь видел. Мы надеемся, что ты примешь верное решение и вернёшься к нам. Но, если ты замыслишь что-то уж совсем скверное… Помни, любая кукла старой Магды может принять и твоё обличье.

[9] Эврика, нашёл (лат.).

Глава 4. История Нойбертхауса

А теперь вернёмся лет на пятьдесят назад от описываемых событий.

Небольшой купеческий обоз, состоящий из двух десятков телег с поклажей из мешков и тюков, сопровождала дюжина бравых парней, которых купец из Альтштадта Иоганн Нойберт нанял в Данциге. Эти статные парни сразу приглянулись ему. Он отчего-то был уверен, что на старой Бранденбургской дороге, которая давно пользуется дурной славой, с этими молодцами его обозу ничего не будет угрожать. Почему эти парни показались ему немного странными? Видимо, оттого, что были они немногословны, беспрекословно подчинялись своему предводителю и внешне походили на монахов из какого-то монастыря, да и обращались друг к другу чаще всего «брат». Но, как недавно узнал купец, они являлись настоящими, умелыми и бесстрашными бойцами. Старший из них, назвавшийся Гуго Коллем, пообещал, что груз будет доставлен в целости и сохранности, а с самим господином Нойбертом и четырьмя его подручными ничего страшного не случится. Выглядел он довольно внушительно, и купец согласился, хотя плата за сопровождение обоза казалась ему явно завышенной.

В день выезда из Данцига купец оценил облачение «странных парней» – на всех были кольчуги, шлемы и панцири, каждый имел коня, щит, а также меч, топор или арбалет. Торговец сразу повеселел, поняв, что не прогадал. Дело в том, что путь в Кёнигсберг проходил по местам, где орудовало несколько крупных разбойничьих шаек, состоящих как из числа поляков, так и из немцев. Бывшие солдаты, деревенская голытьба, обнищавшие горожане хватались за топоры и выходили на лесные дороги, не щадя никого. Местные правители боролись с ними, как могли, многие возвышенности вдоль дороги были превращены в «висельные холмы», на которых устанавливали столбы с болтающимися останками одних разбойников для острастки других. Но, наиболее организованные, вооружённые банды, имеющие толковых предводителей, всегда уходили от возмездия и, прекратив свою деятельность в одном районе, возобновляли её в другом.

– Почему вы не решились идти морем? – только и спросил Гуго Колль у Нойберта.

– Большой воды я боюсь больше разбойников, – откровенно признался купец.

«Кто не любит море, тот – безнадёжен!» – подумал тогда Колль, но вслух ничего не сказал.

Итак, обоз выехал из Данцига в середине августа 1405 года и к началу сентября должен был прибыть в Альтштадт. Дорога проходила среди лесов, вдоль полей и лугов. Особенно широких рек, пересекающих этот путь, не наблюдалось.

Охранники своё дело знали. Впереди шли разведчики, опережая основной отряд на целую милю. В случае опасности основные силы своевременно оповещались, и выезжающие вперёд хорошо вооружённые всадники отбивали у разбойников любую охоту позариться на чужое добро. Так было вплоть до границы с владениями Тевтонского ордена. Немного не доезжая до замка Квидзын, когда до Кёнигсберга оставалось не более трёх дней пути, обоз атаковали по всем правилам военного искусства неизвестные люди, знающие толк в настоящих схватках. Но, следовало отдать должное и сопровождающим обоз парням: их не удалось застать врасплох. Стрелы из луков и арбалетов ломались о щиты и панцири защитников обоза, которые тут же выхватили из ножен мечи. Когда из придорожных кустов выскочили по крайней мере несколько десятков вооружённых людей, охранники вступили с ними в настоящий бой.

Двое подручных Иоганна Нойберта погибли сразу: одному прострелили шею, а кольчугу другого пробил арбалетный болт. Несдобровать бы и самому купцу – на него кинулся ражий парень в кирасе и каске с боевым топором в руках. Глаза его безумно горели, а пере-

кошенный рот изрыгал такие страшные проклятия, что Нойберт потерял дар речи только от одних этих выкриков.

– *Beausant!* К величию! К славе![10] – провозгласил Гуго Колль и одним ударом снёс голову нападавшему.

– *Beausant!* – ответили ему его «братья» и буквально ошеломили врага мощным выпадом.

Тучный брат Моример проявлял удивительную сноровку и скорость: его топор «летал» от одной головы разбойника к другой. Брат Витул выхватил из обоза тяжёлый двуручный меч эспадон и сразу стал похож на мельницу, чьи крылья сеют смерть. Братья Леон и Витольд, вооружённые шотландским клеймором и фламбергом наносили быстрые и точные удары. Иоганн Нойберт, боявшийся высунуть голову из-под корзины со снедью, открыл рот, будучи удивлён сноровкой и умением его защитников. Наступательный пыл врага сразу же ослаб – потеряв десяток бойцов в первую же минуту сражения, разбойники утратили боевой дух и начали отступать.

– Гей, оборванцы! – крикнул брат Берто, – получите подарки от настоящих рыцарей! Их-то вы не забудете никогда! – лезвие его окровавленного топора хищно сверкнуло в лучах заходящего солнца.

– *Ad patres*![11] – провозгласил брат Георг, действуя кистенём с тяжёлым шаром на цепи, утыканном шипами.

Предсмертные крики и стоны раненых тут же огласили всю округу.

«Ай, да братья…» – ошалело думал Нойберт, высматривая в толпе сражающихся своих подручных.

– Держись, брат! – это на выручку брату Николаусу, отбивающемуся от четверых разбойников, спешил его товарищ по оружию Бриан. – Во имя Пречистой Девы… Н-на!.. Брат Гильберт, держись!

Звон клинков, хрип лошадей, крики бойцов, звук падающих тел, глухие и хлёсткие шлепки кистеня о закованные в панцирь тела… Мольбы о пощаде, проклятия, радостные победные крики… «Пресвятая Дева, – молился Иоганн Нойберт, – Скорее бы закончилось всё это». Сам он сжимал рукоять кинжала и мог бы пустить его в ход, случись кому бы то ни было напасть на него. Но ввязываться в такое побоище у него не хватало духу. Всё-таки, он – купец, а не воин.

Солнце уже почти скрылось за верхушки деревьев. Побоище завершилось. Потеряв больше половины своих товарищей, нападавшие бежали. Никто не стал преследовать их.

– Пресвятая Дева! *Actum est*[12], – промолвил Гуго Колль, сняв шлем и вытирая пот. – Неплохо бы вздёрнуть сих доблестных молодцов, – кивнул он на нескольких корчащихся от боли раненых разбойников, – да предоставим эту работу местному палачу. Я думаю, что если они не усвоят сегодняшний урок, то петля никак не минует их шеи. Нам же надо спешить. Вы не будете возражать, достопочтенный господин Нойберт, если мы сейчас же двинемся дальше, а привал на ночёвку сделаем позже, милях в трёх от этого нехорошего места?

Купец молча кивнул. Через несколько минут обоз тронулся в путь.

Уже глубокой ночью, на несколько миль ближе к Кёнигсбергу, похоронив двух своих слуг, Иоганн Нойберт, оценив нанесённый ущерб для торгового дела как ничтожный, и плотно поужинав, сидел у костра и задумчиво смотрел на огонь. Гуго Колль расставил караулы на случай возможного нападения и присел на телегу, очищая лезвие своего боевого топора.

---

[10] Боевой клич тамплиеров.

[11] Умри (лат.).

[12] Дело закончено (лат.).

Словно что-то надумав, купец поднялся и подошёл к предводителю отряда отважных бойцов.

– Благодарю вас, сударь, – сказал он и вытащил набитый монетами кошель. – Примите это в знак моей признательности.

– Помилуй боже, не слишком ли рано? – усмехнулся Колль. – Вот прибудем на место назначения, там и расплатитесь. Но лишнего, помимо нашего договора, мы у вас не возьмём.

– Никогда бы не подумал, что мой обоз будут сопровождать… в качестве охраны… настоящие рыцари…

Колль молчал.

– … тамплиеры, – закончил Нойберт.

Гуго вопросительно взглянул на купца. Тот пояснил:

– Эти знаки… Красный крест на седле вашего коня… Лотарингский крест на шее одного из ваших братьев… Это ведь знак Ордена Храма, не так ли?

– Орден Храма был уничтожен почти сто лет назад, – вздохнув, ответил рыцарь после недолгого раздумья.

– Это – официальная версия, – продолжал Нойберт. – Но ведь много тамплиеров сумело спастись. Даже из самой Франции, где порядки были самыми строгими, бежало немало людей, им даже удалось увести судно с сокровищами…

– Вас интересуют сокровища тамплиеров?

– Нет, только сам Орден. Многие из храмовников, насколько я знаю, осели в Англии и Шотландии, где гонения на них были не такими страшными. Кое-кто бежал в Германию. А там многое зависело от отношения к ним местных светских властей… Был Бурхард III Марбургский, сжигавший храмовников, но был и архиепископ Майнца Пётр, оправдавший рыцарей Храма, и святой Иоанн, объявивший, что тамплиеры из монастыря в Мостере бесплатно кормили голодающее население… Если бы не папа Климент V…

– Не поминайте это бесовское имя, ради всего святого!

– Я вполне допускаю мысль, – продолжал Нойберт, – что, если святыни тамплиеров и их золото были сохранены, то, вполне возможно, Господь позволил им… восстать из пепла… Разумеется, пока тайно…

Гуго усмехнулся.

– Вам не откажешь в наблюдательности, герр Нойберт.

– Моё ремесло обязывает вникать во всякие мелочи и ничего не упускать из виду… И, если вы действительно – тамплиеры, я хотел бы оказать вам любую посильную помощь.

Гуго молчал, вслушиваясь в ночь. Тишину леса нарушало только потрескивание горящих поленьев. Нойберт хлопнул по щеке, на которую сел назойливый комар.

– Вы сегодня спасли мою жизнь, – продолжал купец. – Поэтому я хотел бы сделать вам роскошный подарок. Соглашайтесь, сударь. Я – человек зажиточный, могу предоставить вам… свою землю.

Гуго Колль, услышав это, оживился.

– Если вы поклянётесь, что тайна нашего Ордена будет сохранена…

– Я готов поклясться на Библии хоть сейчас!

– Так поклянитесь. И тогда мы продолжим наш разговор.

– Карл, – позвал Нойберт одного из оставшихся в живых слуг. Другой, Михель, также принимал участие в сражении, но получил лёгкое ранение и сейчас отлёживался в телеге. – Принеси мне Библию. Эх, господин рыцарь, отправляясь в подобные путешествия никак не обойтись без Священного Писания…

Купец положил левую руку на Библию, правую поднёс к сердцу. Произнёс слова клятвы и помолился.

– Хорошо, – удовлетворённо произнёс тамплиер. – Вы правы. Мы – потомки тех, кто уцелел. Наша цель – защита истинных христиан. Наш девиз остался прежним: *Non nobis, Domine, non nobis, set tuo nomini da gloriam!*[13] А также правило: *Ora et labora!*[14] Нас пока мало и силы наши невелики. Но, это – временно. Ведь с нами – наши святыни и богатство! А сейчас цель нашего небольшого отряда – отыскать и купить вблизи Кнайпхофа земли, где мы могли бы построить собственную… резиденцию. Прицепторий. Ибо туда, к Кнайпхофу, ведут пути, неведомые людям, но уже определённые свыше для целей, нам пока неизвестных, но, несомненно, величественных…

Такая туманная формулировка не поставила в тупик хваткого в делах купца.

– У меня есть земля к востоку от Кнайпхофа. Как раз на пустынном берегу Прегеля. Там расположено лишь моё небольшое поместье. Итак, я объявляю своё решение: эта земля – ваша!

Рыцарь и купец ударили по рукам. В этот момент громко захрустели сучья, зашумели ветви деревьев. Казалось, огромный зверь всё это время сидел, притаившись в нескольких шагах от обоза, да вот не выдержал и ринулся вглубь леса, ломая всё на своём пути. Рыцарь схватился за топор. В чаще вспыхнул огонь – караульный зажёг факел.

– Кто это был, брат Георг? – спросил Гуго Коль.

– Не разглядел. Какой-то огромный зверь… – послышался ответ, – тут повсюду волчьи следы…

Пока Гуго размышлял, поднимать ли братьев по тревоге, Нойберт вытащил из телеги кожаную флягу с вином и выдернул из горлышка пробку.

– Не волнуйтесь, господин рыцарь. Люди говорят, что так ведёт себя здешний лесной дух. В этих местах он носит имя Чёрный Франц… Он ушёл вглубь леса и уже не причинит нам вреда. Давайте лучше скрепим наш договор хорошим бургундским вином. Господь – свидетель, мы это заслужили…

Уже осенью 1405 года в поместье купца Иоганна Нойберта начались строительные работы. Через несколько лет вместо жалкой постройки на берегу Прегеля возник крепкий замок, носящий имя Нойбертхаус, а возле замка, за высоким каменным забором возникли монастырь и церковь. Монастырь получил имя Архангела Михаила. В нём обитали монахи, то ли францисканцы, то ли бенедиктинцы, ясно было одно: монастырь был мужским. За стенами божеской обители служители Господа развели сады, прорыли каналы, распахали земли под поля и огороды, вырыли большой пруд. Монахи вели размеренную жизнь, как и подобает братьям во Христе. Но, если бы кому-нибудь удалось заглянуть за высокие стены, то он бы сразу заметил, что монашеские кельи, скорее, напоминают казармы, а во дворе братия и послушники дерутся друг с другом палками, деревянными и даже стальными мечами, метают ножи и боевые топоры, постоянно упражняются в верховой езде и стрельбе из лука… Над дверью перед входом в монашескую трапезную развёрнуто белое полотнище с красным крестом…

Дела у Иоганна Нойберта пошли в гору. Он уже не ездил лично за товаром, а посылал туда своих работников. Сам же купец жил в замке, почти безвылазно, особенно после того, как женился и обзавёлся детьми… Для торговых дел он приобрёл три хороших когга[15], которые постоянно бороздили воды Прегеля, а также Остзее. В Нойбертхаус и монастырь

[13] Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу (лат.)!

[14] Молись и трудись (лат.)!

[15] Средневековое одномачтовое палубное парусное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащённое прямым парусом площадью 150—200 м². Использовалось как основное торговое.

то посуху, то морем всё чаще приезжали знатные господа – по торговым ли, политическим делам – про то нам не ведомо.

Глава 5. Путь в школу «Куклы старой Магды»

Якоб Шоль вернулся к городскому лекарю Фридриху Пельшицу и продолжил у него свою работу, как ни в чём не бывало. Больных в эти хмурые, дождливые осенние дни было достаточно и лекарства, изготовленные помощником врача, расходовались быстро. Особенным спросом пользовались жаропонижающие средства. Иногда Карл запрягал лошадь и Пельшиц отправлялся к тому или иному больному на дом. И тогда Якоб справлялся с работой один. Не все, однако, доверяли юному врачу. Некоторые пациенты оставались дожидаться городского лекаря, хмуро поглядывая на мальчика, который деловито управлялся с другими больными.

Про школу «Куклы старой Магды» Якоб благоразумно умолчал, мол, зашёл в дом, там ему стало дурно: закружилась голова, он потерял сознание и очнулся только тогда, когда за ним прибыл Пельшиц со своими друзьями.

«Говорил же я – колдовское место, – вздыхая, комментировал этот поход старый Хеллике, прикладываясь к кубку с вином. – Правильно сделал, малыш, что не стал совать свой нос в эту обитель Дьявола, прости меня, Господь».

И всё же, Якоб чувствовал, что эта школа ему не просто нужна, а необходима. Молодой лекарь убедился, что обладает Даром, который пожаловал ему Создатель, и, как истинный христианин, он должен развивать этот Дар, совершенствовать свои способности и приносить пользу людям. Поэтому юноша всё чаще задумывался о том, чтобы покинуть дом гостеприимного доктора и начать новую жизнь под крышей школы «Куклы старой Магды».

Сегодня вечером доктор Пельшиц, увидев, как юноша намаялся за день, сам послал его отдохнуть в кабачке «Усы сома».

– Сходи, дружок, поболтай со своими приятелями. Нынче мы славно потрудились и неплохо заработали. Вот тебе два талера и пусть этот вечер не будет для тебя скучным.

Якоб окунулся в сырую вечернюю прохладу Альтштадта, но не о кабачке думал он, а о том, как начать разговор с Пельшицем насчёт школы… Он полагал, что совмещать занятия в «Куклах старой Магды» и врачебную деятельность будет невозможно, что у него на самом деле – иная цель, и она весьма далека от искусства традиционного врачевания.

Он застал своих приятелей на старом месте и в полном составе.

– Присаживайся, молодой лекарь, – любезно пригласили его за стол пивовар, портной, два кузнеца и моряк с Фишгаузена. – После того, как ты побывал в этой дьявольской школе, ты сам на себя не похож.

– Поменьше находись в местах, помеченных Дьяволом, – добавил Хеллике, – И тогда твои друзья всё чаще будут поднимать свои кубки во здравие!

Якоб заказал себе рейнского и жареную куропатку.

– А таких проклятых мест в Кёнигсберге, – продолжал старый портной, – хватает… Взять, к примеру, Кошачий ручей…

– И что же там происходит? – насмешливо спросил Теодор из Закхайма. – Не такая уж это великая река, чтобы вызывать пересуды у почтенных горожан…

– А вот, послушай, – Хеллике сделал внушительный глоток, и начал рассказ. – Как известно, этот ручей разъединяет Альтштадт и Лёбенихте. А почему у него такое название? Известно, что с ним связано старое поверье о двух кошках, которые катались по нему и по Прегелю. Но, разумеется, не в лодке, а в… пивоваренном котле!

– Подобно трём мудрецам в одном тазу, – вспомнил Курт Химмель. – Это у англичан есть такая весёлая песенка…

– Так вот, – продолжал старик. – Эти кошки днём превращались в женщин…

– Ведьмы! – воскликнули Исайя и Андреас Кулль.

– Они самые, – кивнул головой Хеллике. – Эти ведьмы наняли себе паренька, вроде нашего Якоба, который выполнял всякие их прихоти… в том числе и в постели. Ибо известно: ведьмы весьма любят разные похотливые затеи и утехи…

– Хм, – произнёс Кулль. – И что же ему не хватало? Я слышал, что он сварил обеих бестий в этом самом котле, когда те не успели превратиться из кошек в людей.

– Интересно, – хмыкнул Теодор. – А в людском обличии каковы они были? Говорят, ведьмы умеют казаться очень привлекательными…

– А на Кнайпхофе есть загадочные места? – поинтересовался Якоб.

– А как же, – тотчас ответил Хеллике. – Взять тот же Кафедральный собор. В его флигелях, как, впрочем, и в Королевском замке, живут прусские гномы. Увидеть их – всегда к удаче. Думаете, зря, люди, проживающие в тех местах, спрашивают друг друга, видели ли они гномов? А вот дьявол, проходящий по подземному переходу из Замка в Собор, удачу не принесёт. Или призрак, появляющийся в Соборе всегда, как только в городе кого-то обвиняют огульно…

– А что это за призрак? – спросил Якоб. – Дух какого-то невинного человека?

– Да, мой юный друг. Всякий призрак – это образ умершего человека, его неуспокоенная душа… Да простит Господь мне мои попытки заглянуть в Его тайны… Тот призрак, который появляется в Кафедральном соборе, тоже имеет своего… живого предшественника. Это – некий малый, служивший при старом канцлере Кошпоте. Старик обвинил своего верного слугу в краже дорогого перстня. Бедняга оправдывался, как мог, да ему никто не верил. Затем, видя, что все его доводы пролетают мимо ушей придворных и самого канцлера, слуга… повесился. И – превратился в призрак, до сих пор пугающий людей. Кстати сказать, немногим позже, служанка, потрошившая индюка, нашла в его желудке тот самый пропавший перстень. А дух покойного слуги, несправедливо обвинённого в краже, приходит всякий раз, когда кто-то оказывается в его шкуре…

Этой ночью Якобу приснился сон. Будто он – не лекарь, а воин, сидящий на боевом коне в самой гуще кровопролитного сражения. В его руке – тяжёлый меч, молодой Шоль защищается от ударов и наносит их сам. В ушах – оглушающий шум битвы: звон оружия, ржание коней, крики сражающихся… Противник не может его достать – стрелы, летящие в него, меняют направление, мечи, словно наткнувшись на невидимую преграду, отскакивают в сторону и рассекают пустоту. У Якоба есть цель – он должен помочь человеку, отбивающемуся сразу от множества врагов, окруживших его. Прорубаясь сквозь ряды противника, неуязвимый воин непреклонно продвигается вперёд. «Держись, отец!» – громко кричит ему юноша. Отец?.. Да, тот рыцарь, отчаянно сражающийся с несколькими недругами, – его отец! И Якоб не должен допустить, чтобы с ним что-то случилось! «Я иду, отец!» – и очередной его удар выбивает противника из седла. «Я уже близко!» – и следующий враг хватается руками за разрубленную голову… Отец поворачивает к сыну своё лицо… Он уже совсем без сил. Он ранен… «Держись, отец!» —опять кричит Якоб… и просыпается…

Наутро молодой лекарь сходил в церковь Св. Николая, отстоял службу, затем зажёг свечу возле алтаря и начал молитву «Радуйся, Дева Мария». *«Ave, Maria, gratiaplena…* – мысленно обратился он к Божьей Матери. – Радуйся, Мария, благодати полная… – мысли его устремились в неведомую высь, туда, где, по его понятиям, находилась пресвятая Богородица. – *Dominustecum: benedictatu…»* – прошептал он, – Господь с Тобою… – и вдруг… свеча погасла… Похоже, ветер ворвался через двери в церковь и задул сей робкий огонёк. Вздохнув, молодой лекарь зажёг свечку о другую, сохранившую своё пламя, и продолжил молитву: – *«Inmulieribus, etbenedictus…»* – он словно ощущал Её присутствие. —Благословенна ты между жёнами… — неожиданно свеча погасла вновь. Якоб не увидел, отчего: его взгляд был направлен на золотую фигуру Пресвятой Девы, украшавшую алтарь. Он опять

зажёг свечу и дочитал молитву до конца. На последних словах свеча затрещала и погасла в третий раз. «Я вижу, Дева Мария услышала меня, – подумал он. – И сделала знак». Только что он означает?

Под конец, он прочёл молитву об усопших: *«Requiem aeterna dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Requiestcant in pace…* – Мысли его были об отце и матери, — Вечный покой даруй им, Господи…»

Казалось, он искренне побеседовал с ними и принял от них утешение и благословение. На душе стало легче.

Выйдя из церкви, Якоб направился мимо Рыбного рынка в аптеку старого Мойши Михельмана. К сожалению, «чертополох Святой Марии»[16] не рос на полях, зато его выращивали послушники в монастырях. Его семенами лечили болезни живота, а корни и листья использовали для заживления ран и язв. У Михельмана такой «чертополох» имелся, и Пельшиц это прекрасно знал.

На Рыбном рынке вовсю шла торговля. Гремели бочки, слышались голоса зазывал, ругань продавцов, ощущался острый запах рыбы.

– Угорь, свежий угорь! — кричала толстая женщина, держа в руках по рыбине, длиною в два локтя каждая. — Только что из залива!

Нищие и попрошайки, крадуны с прилавков, лихие люди, высматривающие простаков и ротозеев…

– Прегельский судак! Ещё живой! Кому на стол свежую рыбу? — кричал во весь голос торговец, стоящий на телеге с бочкой.

– Пряности! Всё, для приготовления рыбных блюд! Лавровый лист! Корень сельдерея, хрен, укроп, чеснок, мелисса лекарственная! Побалуйте себя, жители Альтштадта! Для супа и жаркого! Ваша рыба станет втрое вкуснее! — кричали с другого конца рынка. — Не забывайте, что скоро – великие праздники: Торжество Всех святых и День поминовения усопших!

Якоба толкали со всех сторон, кто-то наступил ему на ногу, от проезжающей телеги он едва успел отскочить. Пройти через Рыбный рынок в самый разгар торговли оказалось делом не простым.

– Здравствуй, Якоб!

– Здравствуй, Марта, — приветствовал молодой лекарь прислужницу Пельшица. — Никак, рыбу покупаешь?

– Да, хочу вам с доктором приготовить на ужин треску.

Юноша невольно залюбовался Мартой — раскрасневшееся личико, падающая на щёку светлая чёлка, весёлые глаза и очаровательная, приветливая улыбка.

– С треской, — добавила она, — хорошо сочетается рейнское! А ты куда собрался?

– В аптеку к Михельману. Доктор велел купить «чертополох Святой Марии», а его выращивают только в монастырях.

– Не опоздай к обеду, молодой лекарь!

После обеда Пельшиц, задумчиво просмотрев свиток, куда он вносил данные о больных и приготовленных лекарствах, сказал Якобу:

– Вот что, мой юный помощник. Надо бы нам собрать ещё ольховых шишек. Горожане частенько мучаются животом, видно, едят всякую тухлятину, да простит меня Господь… Сходи-ка в лес и набери мешочек для приготовления отваров.

Сразу за крепостной стеной Альтштадта, влево, на юг, ведёт дорога к Прегелю, к торговым пристаням, а к северо-запад*у* разбросаны небольшие поселения, огороды, начинаются

[16] Одно из названий расторопши пятнистой в Средние века.

поля и чуть дальше — лес. Пешком, по сырой и грязной дороге, до него можно дойти за три четверти часа. Если Якоб поторопится, то вернётся назад ещё засветло. Шишки надо будет вывалить из мешка и просушить в течение двух-трёх дней.

Стояла солнечная погода. Осенний лес встретил молодого лекаря тишиной. В жизни юноши нередко бывали моменты, когда душа просила отдыха и исцеления после прошедшей жизненной бури, дабы вновь наполнившись светом и теплом, делиться с теми, кому была нужна его любовь… В такие мгновения самое лучшее – остановиться и посмотреть вокруг… Сухие жёлтые и красные листья тут и там отрывались от ветвей и с лёгким шуршанием падали вниз, туда, где их собратья уже создали мягкий листвяной ковёр. Тишина наполняла душу, она казалась какой-то неестественно торжественной. Такая музыкальная тишина природы всегда успокаивала Якоба лучше, чем миллион ненужных слов. Его охватило такое чувство, словно он, вошедши в лес, оказался в одном из нефов огромного храма.

Работа подвигалась споро. Ольшаник рос на краю леса, на ветках деревьев было множество шишек. Срывая их, молодой лекарь напевал про себя шуточную песенку про гуся, отправившегося охотиться на зайцев. Закончив дело, Якоб вытер со лба пот, потянулся, распрямляя спину, и… вдруг почувствовал на себе чей-то тяжёлый взгляд. Рука юноши потянулась к стилету, который он всегда носил с собой. Одновременно он оглянулся.

Огромная волчица стояла за его спиной. Жёлтые глаза в упор глядели на него, ноздри раздувались, реагируя на запахи, вьющиеся на милю в округе. Изредка её пасть скалилась, обнажая внушительные клыки.

Казалось, это старая Герра вернулась из недавно рассказанной Якобу легенды.

Но явной агрессии во взгляде хищника молодой лекарь не уловил, поэтому понемногу начал успокаиваться.

– Что тебе надо, лесной зверь? — Юноша старался говорить, как можно спокойнее. — Я не чиню вреда вашему роду, — лезвие стилета сверкнуло в его руке. — Но сумею себя защитить.

По счастью, волчица была одна. По крайней мере, других её собратьев он не заметил. Возникла уверенность, что на этот раз они разойдутся миром.

– Если тебе интересно, зачем я пришёл в лес… — Якоб как-то слышал, что если со зверем разговаривать ровно и спокойно, у него снижается агрессия, — то я собираю ольховые шишки. Они нужны для лечения людей…

Волчица развернулась и не спеша пошла в лес. Пройдя несколько шагов, она вновь остановилась и повернула голову к следящему за ней человеку. Её взгляд, казалось, говорил: «следуй за мной». Но Якоб стоял, как вкопанный. Зверь тоже не двигался. Пересилив себя, юноша сделал первый шаг к лесной хищнице. Затем второй. Волчица снова отошла, остановилась и вновь выжидательно посмотрела на человека. «Она меня куда-то зовёт!» — осенила Якоба мысль и он, забыв про осторожность, закинул мешок за спину и последовал навстречу своей судьбе.

Волчица вела его вглубь леса. Молодой лекарь с трудом продирался сквозь ветки и колючие сучья, прикрывая лицо рукой. Зверь отбегал вперёд, затем терпеливо дожидался, когда неуклюжий человек доберётся до него, после чего снова углублялся в известном ему одному направлении.

Так продолжалось около получаса. Якоб старался отслеживать свой путь, ведь не дай бог заблудиться в лесу, где водятся такие хищники! Начинался пригорок. Лес стал более величественным, высокие сосны и ели, берёзы и дубы стояли молчаливыми стражами. «Интересно, куда она меня ведёт? – мелькнула у юноши мысль. – И долго ли ещё идти? Скоро ведь начнёт темнеть! В лесу и так уже сумрачно…»

Но вот, лес заметно поредел и Якоб оказался на небольшом участке, поросш*е*м деревьями странной формы: их стволы были причудливо изогнуты, словно деревья стояли пья-

ные или застыли, изображая Пляску смерти[17]. Якоб слышал от Курта Химмеля, что так «танцевали» некоторые деревья (сосны и берёзы) на Курише Нерунг[18], за что их так и прозвали — «танцующий лес». Но здесь, в двух милях от Альтштадта, встретить нечто подобное он не ожидал. От увиденного стало как-то неуютно. А где же волчица? Молодой лекарь оглянулся — зверя нигде не было. Возможно, она привела его туда, куда хотела. Что ждёт его здесь? Безмолвие леса действовало удручающе и нагнетало тревогу. «Пожалуй, огляжусь да пойду обратно», — решил Якоб.

Искривлённые стволы сосен, елей и берёз, грибы меж опавшими листьями, мох, корни деревьев, кое-где в бурой траве — редкие капли брусники… Неподалёку — сложенные друг на друга валуны, позеленевшие от времени… Несколько вбитых в землю деревянных столбов, сплошь покрытые мхом. Якоб подошёл к камням. На одном из них виднеются какие-то письмена. «Уж ни капище ли это древних пруссов?» — догадался молодой лекарь. «Танцующий лес» — весьма примечательное место. Конечно, язычники вполне могли здесь обустроить своё святилище. Камни, скорее всего, выполняли роль алтаря или жертвенника, здесь прусские жрецы, кривисы, приносили богам жертвы и дань, а столбы, видимо, являлись древними идолами.

Якоб обошёл валуны, внимательно вглядываясь в их поверхность, словно стараясь что-то здесь найти. Не зря же волчица привела его сюда! Именно привела, и как тут не поверить в мистическую силу диких зверей? Под ногами угадывались уложенные брёвна, уже давно сгнившие и превратившиеся в труху. Да, это действительно, было прусским капищем… Неожиданно Якоб обнаружил между валунами тоненькую верёвочку, похожую на высохший стебелёк лесной травы. Он потянул её и вытащил из-под камня мешочек, напоминающий ладанку. Отчего-то сильно забилось сердце. Осторожно развязав мешочек, молодой лекарь извлёк из него кусок шлифованного янтаря. По форме и размерам он напоминал разрезанное пополам куриное яйцо. На одной его половине виднелась нацарапанная чем-то острым надпись: Gabi Schol, на второй – Jakob Schol. Это были имена: его собственное и матери! Кому могла принадлежать эта ладанка? Ответ прост: только его отцу!

Возвращаясь в город, Якоб прижимал к груди отцовскую ладанку, которую повесил себе на шею. В голове теснился рой мыслей, в душе – бушевала буря эмоций. Его мучил единственный вопрос: что всё это значит? Странный сон, трижды погасшая свеча в церкви святого Николая, таинственная волчица, приведшая его на прусское капище, где он нашёл ладанку отца… К чему всё это? Что хочет сказать ему тот, кто выстроил такую хитроумную комбинацию? Подбадривает или предостерегает?

В Альтштадте он появился, когда совсем стемнело.

– Ты вовремя, – обрадовано заметил доктор Пельшиц, когда Якоб появился на пороге. — Знаю, что ты устал, мой мальчик, но долг свой надо выполнять. Сейчас мы поедем в госпитальную кирху «Святого духа», там двум пациентам, несмотря на старания братьев-монахов, стало совсем плохо. Затем мне надо будет отправиться к Зенону Копе, с его дочерью что-то случилось…

Якоб сбросил мешок, склонился к бочке с водой, умылся. Затем прошёл на кухню, наскоро перекусил овсяной кашей с рыбой, запил свой ужин кружкой пива и был готов отправиться в путь. Марта хлопотала у очага, бросая любопытные взгляды то на него, то на доктора.

---

[17] Пляска смерти (нем. – Totentan) – аллегорический сюжет живописи и словесности Средневековья, представляющий собой один из вариантов европейской иконографии бренности человеческого бытия: персонифицированная Смерть ведёт к могиле пляшущих представителей всех слоёв общества – знать, духовенство, купцов, крестьян, мужчин, женщин, детей.

[18] Куршская коса.

В госпитальной кирхе «Святого духа» иной раз бывало тесновато. В городе случались настоящие эпидемии, и тогда настоятель отец Антоний буквально выбивался из сил, пытаясь разместить всех страждущих. Сегодня на трёх десятках лежанок расположились две дюжины больных, двоим из которых к вечеру стало совсем худо.

– Хвала Пресвятой Деве Марии! — воскликнул отец Антоний. — Вы пришли, доктор, значит, у этих несчастных появилась надежда! Сейчас за ними приглядывает брат Агриппиус.

Пельшиц с Якобом подошли к двум лежакам, между которых сидел озабоченный монах.

– Боюсь, к утру отдадут Богу душу, — тихо произнёс брат Агриппиус, промакивая пот со лба одного из больных, торговца свечами. — У обоих — жар, обильное слюно- и потоотделение… Чем прогневили Господа, одному Ему и известно… Мы поили их жаропонижающими отварами, но это не помогло. Может быть, господин доктор прикажет пустить им кровь? Тогда я приготовлю всё необходимое…

Отец Антоний вопросительно взглянул на Пельшица.

– Нет, святой отец, — ответил врач, приподнимая веки сначала одному больному, затем — другому. — Этим людям кровь ещё пригодится. У обоих — горячка, но вызвана она не столько полнокровием внутренних органов, сколько их уплотнением. Обоим я рекомендую отвар из корня чертополоха и девясила для отхождения слизи и желчи. Есть ли у вас это средство, брат Агриппиус? — тот утвердительно кивнул. — И ещё нужен отвар из ольховых шишек. А принимать его надо совсем по чуть-чуть, но часто. Мой помощник, — он обратился к настоятелю, — побудет здесь некоторое время. Он знает, что предпринять в случае отсутствия должного эффекта… Якоб, — доктор взял за руку молодого лекаря, — посиди здесь с больными, проследи, чтобы лекарства подавались вовремя… По-видимому, эти господа вместе пообедали где-то… Крайне неудачно пообедали…

Уже глубокой ночью Якоб заметил, что лечебное действие чертополоха Святой Марии начинает сказываться на состоянии пациентов. Их дыхание выровнялось, жар спал, лица, до того бледные, сменили свой цвет на более здоровый. Братья-монахи угостили молодого лекаря хлебом с мёдом и кружкой молока, потом стали уговаривать прилечь поспать. Но Якоб отклонил это предложение и остался наблюдать за тем, как силы жизни возвращаются в тела несчастных больных. Брат Агриппиус прикорнул на жёстком табурете, уронив голову на колени. Медленно текло время. Постепенно сон начал овладевать и Якобом. Он словно проваливался в небытие, затем встряхивался, прогоняя сонливость, и всматривался в лица своих пациентов. Сомнений не было — лекарство начало действовать, и угроза для их жизни миновала.

Внезапно, губы торговца свечами дрогнули.

– М-м-м-м… — тихо промычал он.

Якоб с помощью маленькой ложечки влил ему в рот небольшое количество снадобья.

– М-магда, — отчётливо произнёс больной.

Молодой лекарь вздрогнул.

– Магда… — повторил тот. И добавил еле слышно: — …ждёт…

Глава 6. Поиски реликвии

26 октября 1455 года двое всадников остановились перед воротами монастыря Архангела Михаила, расположенного неподалёку от замка Нойбертхаус. Первый из всадников, несомненно, был рыцарем. Об этом свидетельствовал его дорогой плащ, блестящий панцирь, роскошный бархатный берет с соколиным пером, а также висящий на боку длинный меч в роскошных ножнах. Конь под ним был исполинских размеров, молодой и горячий, побывавший не в одном настоящем сражении. Спутник рыцаря был похож на оруженосца — молодой парень, вооружённый фламбергом, перевозящий на своём коне доспехи и вооружение господина.

Они спешились. Оруженосец взял под узды фыркающих лошадей, из ноздрей которых вылетали клубы горячего пара, а рыцарь подошёл к воротам монастыря и громко ударил в них железной перчаткой.

– Отворяй, во имя Пресвятой Девы Марии! — Голос его был властным и звучным. — Если мы прибыли в божью обитель, именуемую монастырём Архангела Михаила, немедленно открывай ворота, пока я не выбил их вместе с монастырской стеной!

В одной из створок ворот открылась небольшое окошко. В него выглянуло лицо молодого привратника.

– Назовите своё имя, господин, и цель вашего визита.

– Я — рыцарь Карл фон Иншер из Вольфсбурга. А это — мой верный оруженосец Ульрих Ютте! У меня важное дело к вашему настоятелю Зигфриду Ноттербергскому!

– Если ваша светлость изволит сообщить несколько ключевых слов, дабы у нас отпали все сомнения…

– Меч Ланселота и Кровь Господня! — прорычал рыцарь заветный пароль.

Послышался скрежет засова, и ворота со скрипом распахнулись.

После краткого, но чрезвычайно эмоционального объяснения с доктором Пельшицем, Якоб собрал свои нехитрые пожитки и отправился на Кнайпхоф. Вскоре он уже стучался в дверь школы «Куклы старой Магды».

Открывший дверь старик поклонился ему и вежливо произнёс:

– Вас ожидали именно сегодня, герр Шоль.

Якоба поразило столь учтивое обращение к нему, но он вспомнил, что здесь, в этом месте, ему ещё и не так приходилось удивляться. А вот к нему спускается и Хасан.

– Приветствую тебя, мой юный друг, — воин радушно развёл руки в стороны, словно собираясь обнять молодого лекаря. — Пойдём, я отведу тебя в твою комнату.

В помещении, куда привёл его Хасан, Якоб почувствовал тепло. Дом отапливался, и это создавало внутри него уют. Настроение молодого лекаря сразу поднялось.

– Значит, ты решил начать учёбу? — произнёс человек с восточными чертами лица. — Ты сделал правильный выбор, мой мальчик. Твой Дар нужно развивать. Ты, конечно, знаешь грамоту? — Якоб кивнул головой. — Тогда мы сейчас составим с тобой договор. Присаживайся за стол, — Хасан открыл шкаф и вынул из него кусок пергамента, перо и металлическую чернильницу. Кинув опытный взгляд на пузырёк, Якоб догадался, что чернила были изготовлены из специальных орешков с камедью по рецепту Марциана Капеллы.

– Договор нужен, дружок, — заметил Хасан, присаживаясь рядом и расправляя лист пергамента. – В нём ты должен указать, что обязуешься выполнять требования своих наставников и после окончания школы выполнять своё ремесло. А оно у тебя будет уже не лекарским. Ты станешь воином. Да-да, возможно, из тебя получился бы со временем неплохой врач, но, отныне твоё ремесло будет прямо противоположным. Твой путь – путь воина!

– Но я никогда не держал в руке меч…

– Всему научишься. И верховой езде, и бою на мечах, и стрельбе из лука и арбалета, и защите от ударов… Твой Дар нуждается и в хорошей военной подготовке, малыш. Первое без второго – это пустая затея, – он махнул рукой, – ради которой не стоит даже помышлять о великом Даре, предоставленном тебе самим Господом.

Якоб задумался.

– Но ничего не даётся «просто так», – продолжал философствовать Хасан. – Что-то у тебя должно быть взамен… отнято.

– Что именно? – растерялся Якоб.

Его собеседник только пожал плечами.

– Потом поймёшь, – проговорил он. – А возможно, не поймёшь и вовсе. Да ты не расстраивайся…

– Я уже потерял… Отца и мать, – ответил молодой лекарь. – Разве это не высокая плата за такой Дар? Я бы, пожалуй, отказался от любого Дара, лишь бы мои родители были сейчас со мной.

– Это не нам решать, – ответил Хасан и поднял глаза к потолку. – Там, – кивнул он наверх, – всё решают за нас. И им лучше знать, кому жить, а кому – нет. Запомни же, – тут он понизил голос, – когда закончишь обучение, будешь служить только силам Добра. А точнее – школе старой Магды. Вот здесь и поставь свою подпись.

– Я всю жизнь буду служить школе? – удивился Якоб.

– А что в этом плохого? Ты будешь служить Господу… и нашей школе. Таков твой путь. Вот тебе перо, распишись в этом месте!

– Отведайте, господин рыцарь, зайчатины, тушёной с овощами. В наших краях – отличная соколиная охота на уток и зайцев!

– Соколиная охота – это, скорее, удел постаревших рыцарей, а не монахов и послушников…

– Ну, вы же знаете, наш монастырь обладает неким… особым статусом…

– Да, имя Архангела Михаила известно каждому христианину, который держит в руке меч, – согласился рыцарь. – А как у вас обстоят дела с вином, святой отец?

– Привозят с южных германских земель, – ответил священник. – С берегов солнечного Рейна. Но имеется и прекрасное французское. Извольте попробовать бургундского. И, если вас не затруднит, расскажите, что происходит нынче в Пруссии. Какие планы у короля?

Они сидели вдвоём в личном кабинете настоятеля. Убранство помещения, отнюдь, не выглядело аскетично. Широкий стол неподалёку от обогреваемой стены, напротив – большой шкаф с книгами, на стене – на изящной подставке стояла вырезанная из дерева фигурка Божьей матери, висели шкуры убитых на охоте зверей. Каменный пол тоже украшала медвежья шкура. На столе дымилось жаркое и покоилось в кувшинах вино. Подсвечник с шестью горящими свечами освещал кабинет.

– Фридрих II постоянно заботится о расширении границ своего курфюршества, – ответил фон Иншер. – Он приобрел Лыхен, Котбус, Пейц и другие лакомые кусочки земли. В этом году он выкупил у тевтонского ордена Ноймарк – Новую Марку. Но сейчас король озабочен усилением собственной власти, он пытается приструнить непокорных и недовольных в своей стране. Особенно его раздражают города, которые приобрели большую самостоятельность… И он постоянно ищет денег на войну.

– Говорят, с поляками нет сладу?

– Увы, мой добрый друг, – вздохнул рыцарь. – В этом году они полностью уничтожили Алленштадт. Замок разрушен и сожжён дотла, погибло много славных рыцарей…

– А Прейсиш-Эйлау? Мы слышали, что его недавно тоже окружили польские войска…

– Хвала господу, им его не удалось захватить. Гарнизон укрепили несколько рыцарей Ордена и полсотни крепких землевладельцев из окрестностей. Известно, что замок пытались захватить ещё в мае, но это не удалось. К тому же, в замке имеются хорошие запасы продовольствия. А с такими запасами, да с помощью Пресвятой Девы Марии можно выдержать сколь угодно длительную осаду. Несколько дней назад, действительно, к нему подошли польские войска, но, надеюсь, опять остались ни с чем.

Рыцарь отпил из кубка и довольно крякнул. Затем взгляд его переместился на настоятеля.

– Но и у вас, в окрестностях Кёнигсберга, тоже были жаркие времена в начале года…

– Да, сударь, война есть война…

Настоятель поведал рыцарю, как в марте 1455 года, после подписания акта о присоединении Пруссии к Польше королём Казимиром на встрече с представителями прусских городов, когда была принята присяга верности от граждан Кёнигсберга, случилось восстание цехов, поддерживающих Орден, против муниципалитета. Когда же к городу подошёл отряд комтура Генриха Ройса фон Плауэна, большинство горожан перешла под власть Ордена. Часть противников Ордена была осаждена в Кнайпхофе.

Отец Зигфрид рассказал о страшных днях осады города на острове, который защищала тысяча человек. Ордену помогали Альтштадт и Лёбенихте. Он вспомнил о том, как из Данцига к Кёнигсбергу на помощь восставшим подошли пятнадцать кораблей, но горожане перегородили Прегель ниже Кнайпхофа. Силезские и саксонские наёмники бросились в атаку. Поначалу им везло: они взяли было один мост, но на втором им крепко досталось от защитников Альтштадта. Поляки отошли, потеряв несколько кораблей. Затем из Ливонии на помощь тевтонцам прибыло полтысячи наёмников, после чего Кнайпхоф сдался Ордену на почётных условиях[19].

– Хвала Господу, после тех ужасных дней у нас наступило затишье, – закончил рассказ настоятель.

– А теперь, собственно говоря, мне бы хотелось задать вопрос, ради которого я сюда и приехал, – произнёс Карл фон Иншер. – Что вам, святой отец, достоверно известно об обстоятельствах гибели нашего брата Маттиуса Моравского, тело которого был обнаружен в Альтштадте, неподалёку от моста на Кнайпхоф? Куда подевалась величайшая реликвия, с неимоверным трудом добытая тамплиерами в Святой земле, и которую наш брат нёс с собой в Королевский замок?

– Об этом мало что известно, господин рыцарь. Но то, что ведомо, я вам расскажу. Брат Маттиус погиб от удара в грудь. Кто его нанёс, к сожалению, не известно. Но такой удар мог быть нанесён копытом боевого коня. Или же – палицей, булавой, кистенём… Находящегося при смерти воина осматривал городской лекарь, доктор Пельшиц со своим помощником. Им рыцарь, как нам стало известно, успел перед кончиной сказать что-то о школе «Куклы старой Магды». Это такое заведение на Кнайпхофе, которое занимается разными колдовскими делами…

– Пресвятая Дева! Причём здесь какая-то колдовская школа? – воскликнул Карл фон Иншер.

– Дело в том, что такой удар могли нанести именно оттуда, сударь. Магическим способом. Берётся кукла, её наряжают так, как был одет брат Маттиус, дают ей его имя, то есть, делают как бы копию живого человека… А затем протыкают ей грудь серебряной иглой и читают заклинания. А в результате – живой получает смертельный удар, и на его груди остаётся примерно такой след, какой был обнаружен у погибшего… Люди из школы «Куклы

[19] Бои 1455 года – единственные военные действия в Кёнигсберге до 1945 года (не считая нескольких бунтов и налётов авиации).

старой Магды» погубили брата Маттиуса, они не впервой проделывают подобные штучки. Они же, возможно, завладели и святыней вашего Ордена!

– Но он же ничего не знал об этой школе! Как он мог сказать о ней врачам?

– Возможно, его убийцы и похитители реликвии обмолвились между собой о своей бесовской школе, думая, что он мёртв… А о какой драгоценности шла речь, прости меня Господь за моё неуёмное любопытство?

Рыцарь с шумом осушил кубок.

– О копье Лонгина! – понизив голос, ответил он. – Точнее, о его наконечнике!

– Как!? Неужели о том самом?

– Вам лучше сразу забыть о том, что я вам только что сказал, святой отец. Но вы должны понимать, насколько ценна эта реликвия для всего христианского мира!

– Разумеется, я никому не скажу ни слова. Но зачем вам понадобилось перевозить столь ценную вещь в такое неспокойное время?

– По требованию нашего магистра. Дело в том, что скоро в Кёнигсберг будет доставлена вторая реликвия…

– Святые угодники!.. Речь идёт, конечно, о Граале…

Рыцарь хмуро взглянул на настоятеля.

– Пора на деле проверить то, про что, не смолкая уже сотни лет, твердят мудрецы…

Отец Зигфрид перекрестился.

– Святой отец, – рыцарь наклонился поближе к собеседнику. – Мне во что бы то ни стало нужно появиться в этой чёртовой школе, как её…

– «Куклы старой Магды».

– Вот именно. Клянусь Господом, я выпотрошу её полностью, но реликвию разыщу! Иначе, всё – псу под хвост!

Настоятель монастыря Архангеле Михаила глубоко вздохнул.

– Да поможет вам Пресвятая Дева Мария!

Хасан и Якоб поднялись на один этаж вверх. В конце коридора, из-за плотно закрытой двери раздавалась музыка: кто-то играл на клавесине. Молодой лекарь знал об этом музыкальном инструменте, который только начал завоёвывать Европу, но слышал его звуки впервые.

– Госпожа в прекрасном расположении духа, – шёпотом пояснил Хасан, – раз музицирует…

Он подошёл к двери, постучал и громко объявил:

– Госпожа, наш друг Якоб подписал договор!

– Войдите, – послышался ответ.

Она встретила их, сидя за клавесином. Приняла от Хасана подписанный документ и жестом отпустила своего слугу. Юноша в нерешительности остался стоять у двери.

– Знаешь ли ты, дорогой Якоб, что музыка – это бессловесная молитва?

Молодой лекарь потупил взор.

– Я многое знаю о травах и порядком… о лечении людей, но про музыку, к сожалению, мне мало что известно.

– Жаль. Вот, взгляни на этот листок. Здесь записаны ноты. Это такие музыкальные знаки… Их всего семь, но из них можно построить множество мелодий. – Якоб подошёл ближе. – Ноты изобретены Гвидо д'Ареццо. Знаешь, какие у них названия? Послушай. Это нота Do – Dominus – Господь, – она нажала клавишу и клавесин ответил ей вылетевшим звуком. – А это, – запела другая клавиша, – Re – rerum – материя. Следующая нота – Mi – miraculum – чудо, за ней следует Fa – familias planetarium – семья планет, далее – Sol – solis – Солнце, за ней – La – lactea via – Млечный путь. И, наконец, Si – siderae – небеса.

– Божественно! В этих семи нотах поместился весь мир! – воскликнул Якоб.

– Хорошо, что ты это заметил. Вот ты учишься на доктора. А знаешь ли ты, что известно много случаев, когда больных исцелили не лекарства, а спокойная музыка! И священное слово – Аллилуйя!

– Простите мне моё невежество, госпожа…

– Когда тебе плохо и тяжело на душе, если ты грустишь или тоскуешь, попробуй петь! Пой всё, что в голову взбредет и тебе вскоре станет легче. Ведь душе тоже иногда хочется выговориться… Чтобы легче дышалось, не давило и не ныло сердце, полезно поплакать… Если чувствуешь, что тебя что-то тревожит и лишает покоя, попробуй выполнять плавные танцевальные движения… И твои несчастья уйдут…

– Да, я иногда люблю спеть что-то весёлое…

– Наша жизнь, – продолжала госпожа Магда, – как этот клавесин: белые клавиши – это счастье и радость, чёрные – горе и печаль. Какую бы мелодию ты не старался исполнить, непременно придётся коснуться и тех, и других…

Рыцарь Карл фон Иншер из Вольфсбурга прибыл на Кнайпхоф утром 27 октября. Его оруженосец сопровождал своего господина.

Ночью заметно подморозило: местами булыжная мостовая покрылась коркой льда. Возле хлебопекарни пожилой человек безуспешно пытался пробить лёд в бочке с водой. Но в руках у него не было ничего тяжёлого, поэтому дело у него не шло.

– Ах, чтоб тебя! – воскликнул рыцарь, наблюдая эту картину. Он спешился, подошёл к бочке, от которой испуганно отпрянул работник пекарни, и одним ударом кулака в железной перчатке превратил ледяной круг в месиво из плавающих в серой воде осколков.

– Благодарю вас, господин рыцарь. Да благословит вас Пресвятая Дева Мария, – учтиво поклонился старик.

– Скажи-ка, добрый человек, как мне найти школу… «Куклы старой Магды»?

– Вам к Зелёному мосту, господин. Не доходя до него, поверните влево и следуйте в сторону Голубой башни. Там, среди строений найдёте трёхэтажный дом с красной черепицей и вывеской «Школа «Куклы старой Магды». Вы не ошибётесь и не пройдёте мимо.

Рыцарь сел на коня, и они с оруженосцем тронулись в путь.

Кнайпхоф давно проснулся. Задымили горны кузниц, печи пекарен, к пристани потянулись повозки. Часть горожан начала движение к Лавочному мосту, в Альтштадт, на местные рынки. У Зелёного моста разгружались суда, кричали торговцы, шумели приказчики, громко спорили покупатели. Люди готовились к встрече Торжества Всех святых и Дня поминовения усопших, поэтому на рынок хлынуло множество народу. С корзинами, мешками, пешие и с подводами, они мешали друг другу.

В хмуром небе носились чайки, тёмные облака неуклюже громоздились над ними.

Окинув взглядом теснившиеся друг к другу дома и торопящихся по своим делам горожан, всадник тронул коня и направил его в сторону Кафедрального собора. При этом он, будучи в статусе рыцаря, прокладывал себе дорогу конём. Те из прохожих, кто сообразительней и расторопнее, сами отскакивали в сторону. Те же, кто был медлительнее, падали на промёрзшую брусчатку. Оруженосец не отставал.

– Где же этот чёртов дом? – прорычал фон Иншер. – Ты не видишь, Ульрих?

– Вот трёхэтажный с красной черепицей… И вон там тоже… Но вывесок никаких не видно…

– Эй, тётка! – окликнул рыцарь торговку, спешащую с корзиной на рынок. – Где тут у вас эта школа «Куклы старой Магды»?

Та перекрестилась.

– Не спрашивайте, мой господин. Бесовское место, мы обходим его стороной! – и засеменила прочь.

– Проклятие! – воскликнул рыцарь. Впереди стояла Голубая башня.

Они повернули назад и, спрашивая прохожих о школе, продолжили путь, осматривая фасад каждого дома на острове. Редкие прохожие, решившиеся показать им местонахождение школы, указывали в одном направлении. По всему выходило, что этот дом должен находиться где-то здесь. Но, проехав вдоль улицы несколько раз, они так и не обнаружили искомого. Рыцарь стал предлагать прохожим деньги, чтобы его провели к школе «Куклы старой Магды», но желающих не находилось. Люди были или чрезмерно испуганы, или действительно не знали местонахождения таинственной школы. Несколько раз фон Иншер слезал с коня, и исследовал все подворотни, заглядывая во все дворы. К вечеру он мог сказать с чистой совестью, что перерыл весь Кнайпхоф. Никакой школы «Куклы старой Магды» на острове не было.

На следующий день после подписания договора Хасан и Якоб уехали из Кнайпхофа. Помощник госпожи Магды на коне, с мечом и притороченном к седлу арбалетом выглядел настоящим воином. Широкий плащ развевался за его спиной. Он был опытным наездником и чрезвычайно радовался, что вновь оказался в седле. Молодой лекарь выглядел более скромно. Ему досталась смирная лошадка, которая вместе с юношей несла на себе и мешок с вещами ученика школы «Куклы старой Магды».

– Слушайся учителей, – давал наставления молодому человеку опытный Хасан. – Иной раз тебе зададут трёпку за то, что ты плохо воспринимаешь уроки. Не обижайся, а делай так, как говорят старшие товарищи. Господь вознаградил тебя определёнными задатками, старайся их развивать. Будь смелее и настойчивее!

Они держали путь вдоль Прегеля, не очень далеко удаляясь от его правого берега. Путь их лежал выше по течению реки, в сторону замка Тапиау.

– И упаси тебя Господь, – продолжал увещевать юношу Хасан, – хоть раз упомянуть о школе «Куклы старой Магды»! Отчего-то у народа бытует мнение, что мы занимаемся богомерзкими делами, колдовством и ересью… Ты – сирота, решивший выучиться на воина, чтобы боевым искусством и ратным делом зарабатывать себе на жизнь. В этом ничего постыдного нет. Но если ты проболтаешься…

– Я никому, никогда и ничего не расскажу о школе! – клятвенно пообещал Якоб.

– Вот и славно!

Дорога была хорошо утоптана, и тверда после ночных заморозков. Справа и слева росли сосны, дубы и берёзы. Жёлтую листву, охапками лежащую на дороге, посеребрил иней.

Через некоторое время всадники достигли возвышенности, с которой им открылся вид на крепкий и красивый прямоугольный замок, по углам которого высились четыре сторожевые башни. За высокими зубчатыми стенами просматривалась кирха, широкий двор и хозяйственные постройки. Неподалёку от замка расположились строения монастыря.

– Вот мы и прибыли, – объявил Хасан. – Это – замок Нойбертхаус, а рядышком примостился монастырь Архангела Михаила. И в замке, и в монастыре – настоящие школы боевых искусств. Там тебя научат всему, что необходимо воину. – Хасан вытащил рог и протрубил три раза. – Мы дали о себе знать. Сейчас к нам навстречу выйдут люди, **о**ни примут тебя, и мы расстанемся. Помни же всё, о чём я тебе рассказал, и да хранит тебя Господь!

Глава 7. Молодой воин

С того осеннего дня, когда Якоб Шоль расстался с Хасаном на холме близ замка Нойбертхаус, прошло почти два года, но юноша запомнил его во всех деталях…

Увидев приближающихся со стороны замка всадников, попутчик Якоба сказал: «Оставайся здесь», а сам пришпорил коня и поскакал к ним навстречу. Он коротко о чём-то переговорил с людьми из замка, затем развернул коня, на прощание взмахнул рукой и исчез в придорожных зарослях. Прибывшие из замка служащие приблизились к Якобу.

– Ты и есть наш новый ученик Якоб Шоль? – прищурившись, спросил один из них, рыжеволосый детина в дешёвом шерстяном плаще с капюшоном. И, не дождавшись ответа, произнёс: – Следуй за нами.

Так воин-ученик оказался в Нойбертхаусе. В самом замке, пред тем, как его определить в команду новобранцев, с ним поговорил коренастый мужчина лет пятидесяти, одетый в длинный кожаный кафтан, расписанный незатейливым рисунком, и подпоясанный широким ремнём.

– Я буду учить тебя бою на мечах. Можешь звать меня просто – «мастер Ганс». Про тебя сказали, будто ты обладаешь особыми способностями. Я в это поверю только тогда, когда увижу тебя в деле, – он хмыкнул, сплюнул себе под ноги и пренебрежительно взглянул на юношу. – Я сам займусь тобой. Вообще-то, – мастер Ганс смерил взглядом фигуру молодого человека, – люди начинают привыкать к мечу в более сопливом возрасте, а ты у нас уже почти мужчина, – он криво усмехнулся. – Поначалу драться будем на деревянных палках… Поэтому я и называю это – дракой. Когда перейдём на железные мечи – тогда уже будет настоящий бой. А пока, устраивайся в казарме, – мастер Ганс кивнул на небольшое кирпичное строение, покрытое черепицей, расположенное в углу двора и примыкающее к конюшне. – Вечером – молитва, ужин и занятия. Будь готов получить первые синяки и ссадины!

На занятиях присутствовало десятка два учеников. Они разбились по парам и, под присмотром опытных наставников, по команде начали наносить друг другу удары. Мастер Ганс отвёл Якоба в сторону, вручил ему тщательно оструганную деревянную палку с тупым концом и сказал:

– Пока эта деревяшка – твой меч, юноша. Встань в защитную стойку и постарайся не пропустить мой удар.

Якоб приготовился обороняться, а Ганс отошёл на два шага назад.

– Запомни, – сказал он, – небольшой тычок палкой и ты – ранен. Мечом таким же образом можно нанести серьёзную рану. А если удар будет посильнее, то… сам понимаешь. Итак, я нападаю!

Мастер пошёл в атаку. Несколько отвлекающих выпадов и – удар! Но его «меч» прошёл мимо цели, а Якоб, быстро увернувшись и, скорее машинально, чем расчётливо, огрел своей увесистой дубинкой учителя по спине.

– Ловок, – еле слышно произнёс Ганс, вроде бы без злобы, но тут же снова ринулся в атаку. Опять – несколько обманных движений, и вот мастер развернулся вокруг своей оси и нанёс «рубящий» удар. Он был уверен – противник сбит с толку и будет повержен. Тут даже опытный боец может запутаться в хитросплетениях движений нападающего. Таким приёмом старый тевтонец не раз спасал себе жизнь в поединках, оставляя соперника в дураках. А дураки, как известно, долго не живут… Но, деревянный меч мастера снова рассёк воздух.

– Проклятье, – воскликнул учитель. – Неужели я теряю сноровку? Или тебя оберегает сам дьявол?

Разгорячённый Якоб приготовился к новой атаке. И мастер Ганс не заставил себя долго ждать. На этот раз он действовал расчётливо и хладнокровно, будто бы вёл настоящий бой против опытного поединщика. Его движения были выверены, взвешены и точны. Он, словно волк или барс, методично загонял свою жертву в безвыходное положение. Некоторые его выпады Якоб парировал своей деревяшкой, но решающего удара всё не было.

– Жёстче, малыш, твёрже руку! – приговаривал мастер Ганс. – И не стой на месте, как базилика святого Антония, твои ноги должны работать!.. Держи дистанцию! Хорошо! – И вдруг – резкий выпад. – Чёрт бы тебя побрал! – Мастер швырнул палку на землю и вытер ладонью пот. – Ну, не мог я промахнуться! Пресвятая Дева, по-видимому, у тебя действительно есть Дар! Давай-ка, попробуем так: ты атакуешь, а я – защищаюсь!

И снова Якоб встал в стойку. Но, прежде чем он взмахнул «мечом», Ганс резко ударил по нему своим. Деревяшка тут же выпала из рук ученика.

– Крепче держи своё оружие, – назидательно проговорил мастер. – Иначе им завладеет твой враг!

Все удары и выпады Якоба мастер без труда парировал, от некоторых ловко уворачивался. Под конец он произнёс:

– Тебе дан Дар уходить из-под удара. Но наносить их ты вовсе не умеешь. Впрочем, это – дело наживное. С помощью Господа и Пресвятой Девы Марии мы сумеем обучить тебя нашему ремеслу.

Так началась учёба Якоба в замке Нойбертхаус. За неполные два года молодой лекарь превратился в настоящего бойца, владеющего мечом и топором, кистенём и арбалетом, кинжалом и алебардой. Он привык к дальним походам, умению спать в седле, ночевать под открытым небом и преодолевать водные преграды. Он научился сливаться с местностью, сутками сидеть в засадах, незаметно подкрадываться к врагу и чуять опасность на расстоянии.

Его жизнь в замке была наполнена событиями, связанными с боевой учёбой – постоянные тренировки и оттачивание мастерства. То, что выходило за рамки этого процесса, им попросту не замечалось. И всё-таки Якобу запомнился один необычный день, когда в замок пришёл некий странный человек.

Внешне прибывший казался монахом. Был он одет соответственно – длинный шерстяной плащ с капюшоном, из-под которого едва выглядывала нижняя часть лица: заострённый нос, сухие губы и выдающийся вперёд подбородок. Под плащом была надета поношенная и пропитанная потом ряса, подпоясанная бечевой. Сопровождал монаха такой же служитель божий, но помладше возрастом и, видимо, чином. Сам монах был высок и широкоплеч. Движения у него были быстрые и уверенные, а голос – властный. Поневоле закрадывалась мысль: такому бы не кадилом махать и поклоны бить, а вести в бой рыцарскую конницу. Его вышел встречать сам хозяин замка, граф фон Тегеле.

Якоб и его товарищи как раз закончили совместную тренировку с послушниками из монастыря Архангела Михаила (это немало удивляло юношу: готовящиеся к монашеству парни ловко орудовали мечами и, казалось, собирались в ближайшее время сменить рясу на доспехи). Он и на гостя не обратил бы внимания, если бы его ушей не коснулась фраза, брошенная приезжим хозяину замка: «Искать надо в школе «Куклы старой Магды!». С тех пор юноша стал прислушиваться к их разговору более внимательно.

Фон Тегеле сразу предложил монаху, которого назвал братом Михелем, отдохнуть с дороги, поужинать жареной бараниной и отведать свежего пива. Тот согласился, но решил сначала смыть грязь с лица, рук и одежды, для чего свернул к бочке с водой, которая всегда стояла во дворе и пользовалась популярностью у уставших от занятий учеников.

– Там действительно колдовское место, господин граф, – повторил брат Михель, умываясь, – Наш добрый друг Карл фон Иншер лично пытался добраться до этой чёртовой

школы. И что бы вы думали? Чёрта с два ему это удалось! Для такого заинтересованного человека дом сделался совершенно невидимым, клянусь кровью Господа! Вы же знаете старого вояку! Он сдал свои позиции только после того, как почувствовал, что здесь без колдовства не обошлось. И это ещё раз доказывает причастность школы «Куклы старой Магды» к убийству брата Маттиуса и похищению Копья… Пожалуй, и самому Иншеру угрожала опасность.

– Я слышал, брат Михель, что из Мариенбурга вывозят вторую реликвию – Чашу, – шёпотом проговорил фон Тегеле.

– Совершенно верно. Она будет храниться в Королевском замке. А пока нам нужно задуматься о том, каким образом мы сможем вернуть себе первую…

– Против колдовства так просто не пойдёшь, – заметил фон Тегеле. – Оно не боится ни меча, ни костра!

– У нас есть кое-какие задумки. Мы собираемся внедрить в школу своего человека…

Слуга принёс брату Михелю свежее полотенце, тот вытер лицо и руки, и они с фон Тегеле вошли в дом. Из этого разговора Якоб понял одно: школа, к которой он принадлежит, вызывает определённые опасения у важных персон. И, если кому-либо станет известно о том, что он – ученик этой школы, ему придётся пережить не самые лучшие минуты в жизни.

Но, вот наступил момент, когда мастер Ганс, по-отечески хлопнув Якоба по плечу, объявил:

– Всё, сынок. Твоё обучение в замке Нойбертхаус завершено. Да хранит тебя Пресвятая Дева Мария. Пусть всё, чему ты здесь научился, послужит тебе на пользу. Сам же думай, когда и против кого обнажать меч. Пользуйся своим Даром во благо Господа…

И вот, в майский день 1457 года Якоб вышел через открытые ворота замка Нойбертхаус. Он почувствовал лёгкость от свободы, его радовало весёлое пение птиц, ласковая, нежная зелень молодой листвы, яркие глаза одуванчиков среди травы…

Поднимаясь на холм, он не сразу заметил, что там, среди высоких сосен его ожидает Хасан. Сам помощник госпожи Магды сидел на одном коне, а второго держал под уздцы для него, Якоба. Отчего-то у юноши тревожно ёкнуло сердце.

– Клянусь Распятием, ты выглядишь, как заправский воин! – обрадовано воскликнул Хасан, заметив Якоба. – Какая осанка, какой взгляд! И руки, которые могут натянуть тетиву арбалета без помощи поворотного механизма! Да, я никому бы не посоветовал становиться у тебя на пути! Позволь мне обнять тебя, дорогой друг!

Они обнялись по-братски. Хасан вынул из мешка меч в кожаных ножнах.

– Держи, – он протянул Якобу оружие. – Выкован альтштадскими мастерами. Дай ему имя и пусть он будет тебе верным другом! А сейчас – едем! Для тебя есть важное задание. Но об этом – позже. Сначала надо показаться госпоже. Да, брат, вижу, эти два года не пропали для тебя даром!

– Благодарю тебя, Хасан, – ответил Якоб, по достоинству оценив подарок.

По пути помощник госпожи Магды рассказывал последние новости. О Кёнигсберге, о войне с поляками, о школе.

– Поляки выгнали магистра Тевтонского ордена из Мариенбурга, – сообщил он. – Теперь наш гохмейстер ищет новое убежище. Поговаривают, что это будет Кёнигсберг. Эх, – добавил он, вздохнув, – ничего хорошего эта война не принесёт. В городе вновь разногласия – одни ратуют за тевтонцев, другие хотят остаться под Польшей… Да, – вспомнил он, – дочь бургомистра Альтштадта умерла. Твой доктор Пельшиц не смог помочь ей. Теперь он – в опале… Попробуй, докажи любящему отцу: то, что задумал Господь, простой человек исправить не в силах… Н-но, живее, Голиаф, не заглядывайся на листики-цветочки!

Якоб неожиданно осознал, что вопросы врачевания, доктор Пельшиц и все, связанные с ним воспоминания, уже не трогают его душу. Сердце его огрубело, возможно, тогда, когда он вместе со своими товарищами рассекал на занятиях свиные туши взмахами меча, или тогда, когда ударом кинжала лишал жизни корову или поросёнка.

– А как дела в школе? – спросил Якоб. Ему очень хотелось задать вопрос о некой реликвии, якобы похищенной служителями школы, но что-то подсказывало, что с этим торопиться не стоит. Придёт время – он обо всём узнает сам.

– В школе? Порядок. Ты же знаешь, друг нашу школу найдёт без труда, а враг мимо пройдёт – и не заметит.

– Колдовство? – спросил Якоб.

– Искусство… – с достоинством ответил Хасан.

Путь их лежал по увлажнённой тропе, среди зеленеющих берёз и душистых сосен, сквозь ветви которых пробивались радостные лучи майского солнца. Кони бодро несли своих седоков, чувствуя их спокойствие и уверенность.

– Пришли ли в школу новые ученики? – задал вопрос молодой человек, вспомнив, что странный монах по имени Михель собирался внедрить в школу «Куклы старой Магды» шпиона.

– Пришло несколько человек, хвала Господу. Среди них есть очень любопытные господа… А почему ты интересуешься?

– Просто я никогда не видел других учеников в нашей школе. Иногда мне казалось, что я – единственный.

– Так заведено, – немного подумав, ответил Хасан. – Ученики нашей школы не могут видеть друг друга и общаться между собой. Они не должны знать, кто каким Даром обладает. Иначе, возникает соблазн и гордыня… А ты представляешь, какая это сила – двое или трое объединившихся людей, обладающих Даром? Нет, всех своих… подопечных знает только наша госпожа. Её ученики, каждый – отдельно, служат ей, а это значит, что их силы и способности будут употреблены во славу Господа. А иначе… беды не миновать.

– Как ты возмужал, мой мальчик! – госпожа Магда встала из-за клавесина, на котором наигрывала какую-то торжественную мелодию, и подошла к Якобу. – Как ты вырос, окреп! Ты стал настоящим рыцарем! Хасан! Принеси нам вина!

Она была неотразима. На длинную яркую нижнюю тунику ниспадала мантилья, поверх которой сидел гарнаш с короткими рукавами. Светлые волосы госпожи охватывал золотой обруч, тёмные глаза с интересом наблюдали за молодым воином. У Якоба что-то защемило в груди, дыхание его участилось.

Хасан выполнил распоряжение хозяйки очень быстро. Не прошло и минуты, как он появился с большим подносом, на котором расположилась чаша с фруктами и кувшин с вином.

– Видно, мастера из Нойбертхауса хорошо поработали с тобой, малыш. Скажи-ка мне, многим ли из них удалось преодолеть твою защиту, будучи с оружием в руках?

– Никому, госпожа, – тихо ответил Якоб. – Кроме тех случаев, когда кто-то обхватывал меня сзади руками. Тогда я становился уязвимым…

– Ну-у, – протянула госпожа Магда, кокетливо сложив губы, – ты уж старайся, дружок, впредь не допускать, чтобы кто-то оставался у тебя за спиной. Ответь мне, тебе уже довелось убить… человека?

– Нет, госпожа. Хотя, нас привлекли к поискам, когда в лесах пряталась шайка Кривого Тома, и говорили, чтобы мы никого не жалели. Некоторые из нас испачкали мечи кровью, но это случилось без моего участия.

– Жаль. Настоящий воин должен без колебаний применить оружие по приказу своего сюзерена.

– Я готов, сударыня.

– Это – хорошо. Потому что тебя ждёт именно такое задание.

Хасан, между тем, наполнил кубки. Хозяйка взяла один и кивнула Якобу на второй. Они выпили, затем госпожа Магда сказала:

– А теперь возьми меня за руку. – Якоб, затаив дыхание, повиновался. – И слушай. – Она закрыла глаза и начала говорить тихо, словно пересказывала собственный сон:

– Представь движущуюся колонну людей и коней…

– Представил.

– Эти люди – в доспехах. Они сопровождают важного вельможу. Длинные копья, на которых висят флажки и штандарты**…** После авангарда из двух десятков всадников на дороге растянулась процессия из лошадей, запряжённых в лёгкие повозки, и сопровождающих их всадников. Обоз охраняют вооружённые люди. Мечи, топоры, луки и арбалеты…

Она словно воочию видела всё это сама.

– На телегах сидят люди. Одни отдыхают, другие зорко охраняют поклажу… Колонна растянулась на целую милю…

Якоб не выпускал узкую ладонь госпожи из своей. Его руку начало слегка покалывать… Вдруг в сознании молодого воина возникла описываемая Магдой картинка… Высокие сосны и ели, как стражники, выстроившиеся вдоль дороги, скрип колёс, звон доспехов и оружия, ленивые покрики погонщиков. Изумрудная листва деревьев и кустов по краям тропы, впереди, над верхушками леса – остроконечная крыша кирхи…

– Это деревня Гумбольден, – пояснила госпожа.

Якоб «увидел» вытирающего пот широким белым платком священника, который ехал верхом на гнедой лошади, солдата, прильнувшего к бурдюку с водой, сосредоточенно глядящего по сторонам высокого всадника в блестящем шлеме и плаще с чёрным тевтонским крестом…

– В конце кавалькады, – продолжала «рассказывать сон» госпожа Магда, —неизвестные люди сопровождают несколько телег. Это – не тевтонские рыцари, это – пришедшие из южных и западных земель чужаки.

Действительно, Якоб совершенно ясно «различил» три повозки в хвосте движущейся колонны. Несколько человек находились внутри войлочных фургонов, остальные ехали верхом рядом. Люди были вооружены, сверкали их латы и позванивала кольчуга. Но эти воины держались особняком, их облачение отличалось от того, в которое было одето большинство шествующих в колонне. Было понятно, что они присоединились к колонне тевтонцев уже в пути.

– А это что? – повысила голос госпожа Магда. – Откуда эти рыцари?

В мозгу Якоба вспыхнули новые видения. Вот из перелеска вылетела туча стрел. Люди, сопровождающие свои повозки в самом хвосте колонны, попадали с лошадей. Послышались крики раненых. В следующий момент из зарослей выскочили всадники и, размахивая мечами, ринулись в атаку. Те, кто пытался противостоять им, падали, сражённые быстрыми и точными ударами. Лязг мечей и удары о щиты и доспехи воинов далеко разнеслись по округе. Послышались звуки рога, подающего сигнал тревоги. Тем временем, нападавшие, видимо, польский отряд, ринулись к одной из повозок. Похоже, они прекрасно знали, что и где искать. Пока охрана колонны формировалась в боевой отряд, шляхтичи быстро отыскали нечто, из-за чего они устроили настоящую бойню, и быстро ретировались в лес. То, что они увезли с собой, было завёрнуто в шерстяную материю и перехвачено крепкой верёвкой. По размерам оно было не более лошадиной головы. Погони за ними не было.

– Ты видел это, Якоб? – госпожа Магда неспешно освободила свою ладонь из руки молодого воина и вновь взялась за кубок.

– Видел, сударыня. Мне казалось, что я сам там был.

– Выпей вина и я расскажу тебе, чем всё это закончится… Польский отряд разделится. Большая часть людей, принявших участие в нападении, получит свои деньги и разойдётся. Но пятеро, захвативших добычу, отправятся в деревню Гринсбене. Там один из них, пан Моралек, попытается избавиться от своих бывших товарищей. Он или зарежет их поодиночке, или, что вероятнее, отравит всех разом. В конце концов, пан останется наедине со своей добычей. Вот тут и придёт твой черёд. Ты отберёшь её у него. Если он будет сопротивляться, тогда убей его. Не жалей, это – опасный человек и задумал он безбожное дело. А то, что ты у него захватишь, доставь сюда, в школу.

– Так мне следует немедленно ехать туда, в Гринсбене? Поспею ли я? Не сбежит ли он за это время куда-нибудь в Краков?

– Не волнуйся, дружок, – ласково усмехнулась госпожа. – То, что ты видел, ещё не произошло. Оно произойдёт немного позже. Ты сможешь всё это увидеть воочию. Всего через две недели… Никуда он от тебя не денется.

– А что они похитят, сударыня? Нечто важное?

– Ничего особо ценного, поверь мне. Это – старый серебряный сосуд. Он похож на арабскую масляную лампу. Или кубок. Но, если он попадёт в злые руки, умеющие колдовать, то может принести людям много несчастий. Мы не можем этого допустить. А Господь поможет тебе.

Глава 8. Вторая реликвия

Орденский замок Мариенбург, давший начало одноимённому городу, служил резиденцией Великого магистра Тевтонского ордена с 1309 по 1456 годы. В 1410 году, во время Грюнвальдской битвы, он был осаждён польско-литовскими войсками во главе с королём Владиславом II Ягайло. После поражения рыцарей при Грюнвальде резиденция Великого магистра подверглась жестокой и продолжительной осаде. Город Мариенбург был разрушен, однако сам замок полякам взять не удалось. В 1456 году гохмейстер[20] Людвиг фон Эрлихсхаузен передал замок в уплату долга богемским наёмникам, а те перепродали его польскому королю Казимиру IV. Так орденский замок оказался в составе Польши. Сам же Великий магистр на время поселился в замке Меве.

В 1457 году Людвиг фон Эрлихсхаузен начал сборы в Кёнигсберг. Он собирался сделать резиденцией Ордена именно этот город. В начале июня Великий магистр Тевтонского ордена покинул своё убежище в Меве и отправился к берегам Остзее[21]. Он полагал, что население Кёнигсберга более охотно поддержит Орден, а не Польшу, как это показали события двухлетней давности. Город хорошо укреплён. Один Королевский замок чего стоит! Кроме того, в ближайших к нему городах – Альтштадте, Кнайпхофе и Лёбенихте тоже имеются оборонительные сооружения. А понадобится – построят ещё! Ни чехи, ни поляки с литовцами в Кёнигсберге ему не будут страшны. Он ещё не понимал, что после Грюнвальда крест Тевтонского ордена подрублен, и – основательно.

Часть груза Людвиг фон Эрлихсхаузен отправил морем, но основные богатства Ордена решил везти лично посуху, причём, по возможности, выбирая «тайные тропы». В его планы не входила встреча с Яном Косцелецким[22] и другими польско-литовскими рыцарями. Старый вояка прекрасно чувствовал себя в седле, чего нельзя было сказать о качающейся под ногами скользкой палубе. В этой, основной части перевозимого груза, немалое место занимали книги, архив Ордена, его бухгалтерия. Здесь же находились военные и церковные реликвии, а также казна.

Гохмейстера сопровождал великий комтур – управитель орденского имущества, интендант и эконом Иоганн фон Менгеде и ландмейстер Ульрих фон Лентерсхайм. В свиту Великого магистра входили также: верховный госпитальер, руководитель больниц, странноприимных домов и постоялых дворов Ордена, верховный ризничий, отвечающий за приобретение, изготовление и распределение всей амуниции и вооружения, а также тресслер или казначей, ведающий вопросами финансового управления.

Всего в колонне было одиннадцать братьев-рыцарей, сотня одетых в серые кафтаны братьев-сариантов, из которых были не только воины, но оруженосцы и денщики, а также два десятка братьев-священников. Никаких геральдических украшений, вычурных плюмажей, разве что на копьях развивались вымпелы и штандарты. Колонна сохраняла строгость и была похожа на могучий серо-белый топор, рассекающий беспечно дремлющий зелёный массив.

Прибытие в Кёнигсберг ожидалось в первых числах июня.

Перед самым отъездом из замка Меве, к Великому магистру Тевтонского ордена пожаловал рыцарь Антуан Норфролкский, как поговаривают, один из последователей самого знаменитого некогда ордена Храма, и, среди своих сподвижников, пытающийся возродить былое могущество храмовников. Он смиренно попросил гохмейстера уделить и его скром-

[20] Великий магистр Тевтонского ордена.

[21] Балтийское море.

[22] Ян Косцелецкий (ок. 1415—1475) – государственный и военный деятель Польского королевства, принимал участие в 13-летней войне против ТО.

ному грузу место в общей колонне. «Мы перевозим святыни тамплиеров», – с лёгким английским акцентом произнёс он, – но у нас недостаточно людей, чтобы предоставить им надёжную охрану. Позвольте, ваша светлость, мы примкнём к хвосту кавалькады и тем самым усилим вам арьергард». Людвиг фон Эрлихсхаузен любезно дал своё согласие.

Вечером 26 мая в трактире «Усы сома» было людно. Жители Альтштадта, те, у кого неплохо шли дела, после долгого трудового дня могли позволить себе немного отдохнуть. Звучала музыка. Полуслепой музыкант наигрывал итальянские мелодии на лютне. Негромко переговаривались посетители. Иногда, то тут, то там, раздавались взрывы хохота – вино развязывало языки и расширяло границы дозволенного. На обычном своём месте, за широким дубовым столом расположилась старая компания, неразлучная уже долгие годы.

– Каковы нынче уловы, дружище? – спросил у моряка в высоких с отворотами сапогах старый портной Сигурд Хеллике после неторопливого употребления кружки альтштадского пива.

– Нерест заканчивается, – заметил Курт Химмель. – Кое-где уже сняты запреты на весенний лов. В заливе полно угря, судака и леща… Так что, если Господь поможет, без рыбы не останемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.